

*Юлия
Лавряшина*

**Просто
ВСПОМНИ
обо мне...**

Юлия Александровна Лавряшина

Просто вспомни обо мне...

Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42018509

Просто вспомни обо мне... : роман / Юлия Лавряшина: Эксмо; Москва;

2019

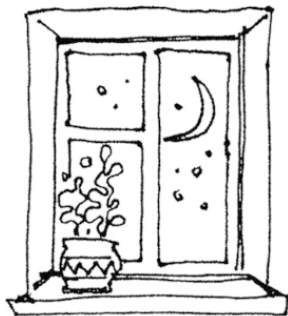
ISBN 978-5-04-100858-1

Аннотация

Даша думала, что не способна любить, пока не встретила жениха своей собственной сестры. Он говорит, что умеет летать на радугу и, накрыв стол одеялом, устраивает под ним вигвам для Даши и ее сына. «Он сумасшедший!» – твердят все, а Даша понимает, что встретила единственного в мире человека, рядом с которым может чувствовать. Но однажды все меняется...

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	57
Глава 4	85
Глава 5	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

За чужими
ОКНАМИ

Юлия Лавряшина

Просто вспомни обо мне...

Часть первая

Пролог

Из его макушки исходил красный свет. Порой ему казалось, что он – акула, которая, опустив нагрудные плавники, приподняв нос и сгорбив спину, прорезает окровавленную

воду, отдавая при этом все силы, лишь бы первой оказаться возле добычи.

Забылось, что акула не различает цветов и не может видеть крови. А он уже слеп от того ядовито-красного, что составляло теперь его мир. И тупел от усталости, разбирая – камень за камнем – обвалившиеся стены. Кирпичи тоже были красными.

Эта однообразная работа, которой не было конца, опускала его на животный уровень, потому что стены вырастали снова и снова, точно акулы зубы. В его голове больше не находилось места ни мыслям, ни воспоминаниям.

Только одна догадка проскользнула в мозг красной рыбешкой, до того верткой, что он тут же забыл о ней. Ее плавники сверкнули напоминанием о радуге, в которую он некогда мечтал окунуться. Уйти целиком. И еще в этой догадке было что-то о начале начал... О красном цвете.

Он не сумел связать эти разрозненные клочки мыслей, и они распались, потерялись в кровавой мути, которая (ему вдруг вспомнилось!) образовалась после взрыва. Таким способом человек глушит рыбу. Выходит, он убивает себя самого.

Не зная, что предпринять, он опустил взгляд на свои руки. Ладони были изодраны, и кровь влажно поблескивала на ссадинах. Но это означало, что он жив. Что взрыв обошел акулу стороной, поставив ей готовую добычу на обед. Он вдруг так ясно увидел оставшееся после взрыва, что закричал. Но не

проснулся... Потому что он и не спал.

Глава 1

Прослушав записи на автоответчике, Даша протяжно вздохнула:

– С ума сойти! Всего две заявки... Этак можно и по миру пойти.

Ее вздох оживил прозрачные занавески на окне, и в их паутинных переплетениях задрожало солнце. Оно обманчивым теплом скользило по лицу, хотя с самого Крещения держалась стужа.

Дашу такая погода приводила в отчаяние, как и любого, кого кормят ноги. К вечеру она совсем их не чувствовала и, прибегая домой, падала у батареи, стараясь просунуть ступни между чугунными ребрами.

На подругу она поглядывала с боязливым восхищением: ей самой и в голову не пришло бы мчаться два квартала по морозу, чтобы просто поболтать.

– А я тебе говорила, что после Нового года будет еще хуже, – напомнила Вера, не отрывая взгляда от журнала. Когда она переворачивала страницы, Дашу слепили быстрые блики. – Все хуже и хуже, – зловеще продолжила подруга.

– Почему? – рассеянно спросила Даша, чтобы поддержать разговор, хотя мысли занимало совсем другое.

Влажно втянув воздух, Вера грозно произнесла:

– Ты забыла, что предсказал Нострадамус?!

– А что он предсказал? – покорно поинтересовалась Даша, украдкой погладив вытянутый подбородок рыжего кота, которого она, не мудрствуя, назвала Рыжий.

Укоризненно качнув маленькой, птичьей головкой, Вера протянула:

– Ну, ты вообще какая-то темная стала... Ничем не интересуешься, что ли?

– Я работаю, – сухо напомнила Даша. – Я только и делаю, что работаю. Мне хочется свозить Сережку к морю.

– А этого куда денешь? – перейдя на шепот, подруга кивнула на закрытую дверь в смежную комнату.

– Так что предсказал Нострадамус?

– Что перелом в этом году будет. Одиннадцатого июля.

– А час не указал?

– Чего ты смеешься?! Купила баба порося и хохочет! Мало тебе одного ребенка на шее?

Даша встревоженно прислушалась к тому, как внутри все мелко, неудержимо затряслось. Сейчас она могла или расплакаться, или раскричаться. И то и другое было одинаково противно.

– Никогда не говори про моего сына, что он у меня на шее.

Испуганно вскинув мгновенно прояснившиеся глаза, Вера поспешно заверила:

– Да ладно, не буду... Что ты? Я сама Сережку люблю, ты же знаешь!

– Тем более.

– Да я не о нем разговор-то завела... С этим что будешь делать? Он сейчас спит?

– Может, уже проснулся. – Даша прислушалась. – Он не зовет.

– И то ладно. Хоть ночами не будит. Ты врачам его не показывала?

Она виновато вздохнула:

– Да я же без денег! Что было – ушло на поездку... Нет, всё! Не могу я об этом. Опять сейчас разревусь.

Уткнувшись в журнал, Вера ревниво заметила:

– Ты ее прямо как-то не по-сестрински любила...

– Как это – не по-сестрински? Что за глупости?

– А я ее почти и не помню. Она была такой же красавицей, как ты?

Даша уклончиво ответила:

– Мы не были похожи.

– И она еще и старше на четыре года.

– Ну и что? Что ты хочешь этим сказать? И вообще перестань... Я не могу, неужели не понимаешь?!

Шлепком захлопнув журнал, Вера вскочила с кресла – так резко, будто ее вытолкнула невидимая пружинка, – и замачала узкими смуглыми ладошками:

– Всё, молчу!

Но от Даши не укрылось, как любопытство пульсирует в ней толчками, заставляя то подергивать плечиками, то хмуриться, то шмыгать носом. Несмотря на мороз, все кругом

болели гриппом, и даже школы уже несколько дней были закрыты.

«Не заразиться бы от нее, – с тревогой подумала Даша. – Мне сейчас нельзя болеть».

Этого она вообще себе не позволяла, потому что надеяться было не на кого, а Сережка мог рассчитывать только на нее. Стоило Даше почувствовать недомогание, как она проводила своеобразный аутотренинг, сердито повторяя себе: «Я не для того родила сына, чтобы он сидел голодным».

Уже утром она вешала на шею фотоаппарат, на плечо видеокамеру и мчалась снимать очередную свадьбу или юбилей, детский утренник или похороны. Заявки поступали к ней через фирму «Досуг», которая публиковала рекламу в тех газетах, которые Даша и читать-то брезговала. Но как раз эти издания пользовались все большей популярностью, и тут уже было не до щепетильности. На жизнь им с Сережкой хватало, правда, поездка к морю по-прежнему оставалась далекой мечтой. Ночами она тепло ласкалась проблесками снов, и Даша, совсем разнежившись к утру, весь день напоминала себе, что надо поднажать, опередить других, выполнить побольше заявок, и тогда, может быть...

Пока же ее сбережений хватило на то, чтобы проехать триста километров и похоронить сестру с племянницей.

– А этот... – умоляющим тоном снова начала Вера, всем своим видом давая понять, что ее разобьет паралич, если она немедленно всего не выяснит.

Даша сдержанно напомнила:

– У него имя есть.

– А? Ну да... Этот... Данил... Он так ничего и не вспомнил?

– Вспомнил... Только он просит, чтобы его называли – Данил...

...Он смотрел на нее снизу чистыми доверчивыми глазами семилетнего ребенка.

– Данил, чего ты хочешь? – Она ласково провела рукой по его коротким гладким волосам, дымчатым от пробивающейся седины.

– Давай полетим на радугу, – застенчиво попросил он и мечтательно улыбнулся.

Даша растерялась:

– Как это – на радугу?

– Ксения обещала, что мы полетим на радугу.

– О господи! – Она догадалась, о чем он говорит. – Да ведь ты уже на радуге... Это наш район так называется – «Радугой». Не официально, конечно... Мы с Ксеньей тут выросли. Это сюда она хотела тебя привезти.

Он опять улыбнулся и часто заморгал:

– Сюда? Это – радуга?

«Он разочарован, – мелькнуло у нее в мыслях. – Только бы не заплакал». Быстро опустившись на колени, Даша уверенно взяла его безвольные руки и легонько встряхнула:

– Послушай, Даня... Ксюша не имела в виду настоящую радугу. Туда еще никому не удалось слетать. Это... ну, как линия горизонта. Ты ведь знаешь, что такое горизонт? Все его видят, а достичь не могут. Море – оно тоже на горизонте... По крайней мере для меня.

Было заметно, что Данил изо всех сил старается понять, о чем она говорит. Его улыбка стала напряженной, а над переносицей возникли отчетливые морщины. Он сидел прямо на ковре, безо всякого стеснения разложив крупные, волосатые ноги, не прикрытые короткими спортивными трусами, которые Даша отыскала в старых вещах. Дома было жарко, и Сережка тоже бегал в одних плавочках.

Посмотрев на ее руки, Данил вдруг спросил:

– Ты – Ксения?

– Нет, я не Ксения, – терпеливо возразила она. – Я – Даша.

– Я думал, ты – Ксения, – в его голосе не чувствовалось досады, но Даша подозревала, что Данил ее испытывает.

– Наверное, мы все же чем-то похожи, – согласилась Даша. – Но я не Ксения. Я ее младшая сестра.

– У тебя глаза, как у Ксении.

Это было неожиданно. «Он совсем запутался», – с огорчением подумала Даша. Глаза у сестры были серыми, а не карими. Такие они в детстве подрисовывали принцессам – снизу веко было совершенно прямым, а верхнее закруглялось... «Радугой», – поняла Даша только сейчас. Правда, у принцесс глаза всегда делались синими, иначе сестры и представить

не могли. Дашу огорчала темная окраска своих глаз, ведь в сказках такой взгляд цвета ночи бывал только у злых ведьм. Но ведьмой она себя не чувствовала и не могла смириться с такой несправедливостью природы.

Сестру же, напротив, ничуть не расстраивало, что ее глаза похожи не на синее море, а разве что на лужицу после дождя. Ей попросту некогда было переживать из-за таких пустяков. Идеи разрывали Ксению на части, и хотя их воплощение она обычно на кого-нибудь перекладывала, но этих многочисленных «кого-то» ведь требовалось организовать... К девятому классу она уже стала секретарем комсомольской организации школы.

А вот волосы у них были одинакового – пшеничного – цвета. Ксюше не хотелось возиться с ними, и она всегда стриглась как можно короче. Даше отец изредка подравнивал волосы на уровне подбородка. Они разделялись пробором и пышным облачком взлетали при ходьбе, не закрывая лба.

– У меня волосы, как у Ксюши, – мягко поправила она, поглаживая теплые руки Данила. – Ты ошибся.

– Ошибся, – легко согласился он.

«Интересно, он и раньше не был спорщиком? – подумала она с любопытством. – Или это тоже от болезни?»

– А где шарики? – подняв глаза, спросил Данил не требовательно, а даже несколько виновато, будто понимал, что докучает своими бесконечными вопросами.

Но другого выхода у него просто не было, ведь у самого больше не находилось ответов. Да и вопросы вспыхивали только время от времени яркими искрами, оторвавшимися от той самой радуги, о которой Данил мечтал.

– Какие шарики? – Даша еле удержалась, чтобы не сказать ему «маленький», как говорила сыну.

– Цветные, – охотно пояснил он.

– Ты хочешь цветные шарики? Я сегодня же куплю тебе, договорились?

– Договорились, – Данил радостно улыбнулся и качнул крупной стриженной головой.

– А что ты будешь с ними делать?

Продолжая улыбаться, он поглядел на нее с легкой укоризной, словно Даша по недомыслию задала слишком интимный вопрос. Но все же пояснил:

– Играть.

– Ну конечно...

Она опять почувствовала, как в горле зашевелился теплый комочек, который не мог рассосаться уже вторую неделю. Даша точно помнила, как он шевельнулся впервые, точно ребенок в утробе. Это произошло в тот момент, когда до нее дошел смысл страшных в своей нелепости слов, вылетавших из телефонной трубки: «Взорвали квартиру... То ли их, то ли соседскую – обе завалились. Армянин там жил... Даша, Даша, вы меня слушаете?»

Она слушала. Она выслушала все очень внимательно, по-

тому что надеяться, как всегда, не на кого, и нельзя было что-нибудь упустить. Положив трубку, она начала действовать собранно и решительно, словно успела запрограммировать сама себя. Созвонилась с Верой и по дороге на вокзал заскочила в школу, чтобы предупредить Сережку. Крещенские морозы заставляли передвигаться перебежками, а ей еще приходилось постоянно держать под контролем тот беспокойный комок, что так и норвил вырваться из горла.

Но все же эти хлопоты были лучше состояния полной беспомощности, в которое Даша погрузилась, очутившись в полупустом междугородном автобусе. Она прижалась к окну, хотя соседнее сиденье не было занято, и смотрела на замороженный мир с ощущением нарастающей жути. Даше чудилось, что ее наспиливают на каждую закристаллизовавшуюся ветку, и она представлялась себе дырявой, как сито, способное пропустить любое горе.

Ей впервые не хотелось запечатлеть то, что ее окружало, потому что Даша не видела в этом красоты. Она даже не взяла с собой ни камеры, ни фотоаппарата, с которыми обычно не расставалась. Мысль о том, что можно снять похороны сестры, казалась ей чудовищной.

Но когда Даша отыскала обуглившийся пятиэтажный дом с вырванным правым верхним углом, ей показалось, что она все же видит его через окуляр. Без таких кадров, как этот, все реже обходились телевизионные новости.

«Мы привыкаем к состоянию войны», – подумала она без

надрыва и горечи. Просто подчеркнула факт.

– Это я вам звонила, – услышала она голос за спиной. – Помните меня? Я соседка снизу. Правда, вы уж давно не приезжали... Забыли, наверное?

– Нет, я вас помню.

– Что ж вы в вязаной шапочке? Простудитесь.

– Мне некогда болеть, – машинально ответила Даша, разглядывая смутно знакомую полную женщину, которая боролась с одышкой, прижимая к груди красную варежку.

Глотая окончания слов, соседка продолжила:

– Ксюшенька дала мне ваш номер, на случай чего. Будто предчувствовала... Бывает же такое! Ой... О чем я говорю?!

– Где они? – спросила Даша.

– Да где же... В морг увезли. А Данил тут сидит, у меня. Я ниже этажом живу. Как у нас-то ничего не обвалилось! Только стекла повывлетали. Ох, как страшно было!

Даша удивленно перебила ее:

– А какой Данил?

– Ну, как же? Неужели Ксюша не говорила? Верно, хотела сюрприз... Они ведь заявление подали. – Женщина робко всхлипнула, боязливо поглядывая на строгое Дашино лицо.

– Ксения собиралась замуж?

Та охотно подтвердила:

– Замуж. Только вот оно как обернулось... Их сразу убило. Ксюшеньку с девочкой. А ему ничего. Только он все равно...

– Что – все равно?

– Да вроде как не в себе. Наверное, по голове-то его все же ударило. А может, с горя... Сейчас-то он все равно как ребенок. Спрашиваю: «Где документы твои?» А он знай себе – улыбается! «Не знаю», – говорит. Мы там с мужем все обыскали – нет никаких документов. А я ведь ни фамилии его не знаю, ни отчества. Данил и Данил, как Ксения представила. Я еще, помню, спросила у нее: «Может, Данила?» Она говорит: «Вообще-то да, но ему кажется, что так звучит слишком по-детски. Он называет себя – Данил». А фамилию не сказала. А он-то сам теперь и не помнит. Сидит, смеется. А то иной раз так заскучает – прямо слезы на глазах. И все просит: «Спой мне. Про Барбоса спой». Ну, а куда мне петь? Я говорю-то – задыхаюсь.

С трудом осмыслив все услышанное, Даша хмуро поинтересовалась:

– А родственники у него есть?

– Ой, а кто ж его знает? Я его спрашиваю: «У тебя мама-то есть?» Всяко ведь может быть, он уже седой весь. А он опять улыбается: «У моей мамы руки белые». Что это значит? Может, в муке запомнил? Говорю: «А где мама-то?» А он на потолок показывает, и весь ответ. То ли померла и на небе, то ли живет где-то высоко.

– Но он же где-то работал? Там должны все о нем знать, – сказала Даша, затосковав от ощущения проснувшейся ответственности.

– Уж конечно, только Ксюша об этом не говорила. Я его спрашивала, а он твердит: «Я делал радугу из цветных шариков». Вот что это значит? Может, вы понимаете?

Даша беспомощно пожала плечами:

– Нет, не понимаю.

Отвернувшись, она опять нашла взглядом рваные края кирпичной стены. В той пустоте, где сейчас весело волновалась голубизна, еще вчера жила Ксения. Даша всегда допускала, что с сестрой может случиться какая-нибудь неприятность, как с любым человеком, который не способен тихонько отсиживаться в уголке. Но представить, что Ксения мертва, было невозможно. У Даши просто не хватало на это воображения, ведь в сестре всегда было столько жизни... Она была горячим ключом и часто, выплескиваясь, обжигала тех, кто находился рядом. Такие источники не пересыхают сами по себе...

– Как нелепо, – прошептала Даша, прячась за вуалькой белого пара.

Потрогав ее за рукав, соседка жалостливо произнесла:

– Я понимаю, не до того вам сейчас... Да мне ведь знать надо... Вы на счет Данила как решите? Заберете его или в больницу сдать?

– Забрать? – испугалась Даша. – Куда я его?

– Так вот, и я говорю, – женщина развела руками и, неуклюжая в своем едва сходявшемся на груди пальто, сразу стала похожа на беззащитного пингвина.

«Ксения любила его, – напомнила себе Даша с невольной ревностью. – Она хотела стать его женой...»

– Где он? – обреченно спросила она, отгоняя опасные мысли о последствиях.

– Да все у меня, – в прерывистом голосе пробились радость. – Я, конечно, не против, пускай бы жил. С ним хлопот-то никаких... Только, сами понимаете, цены на продукты ползут и ползут, а он ведь крупный мужчина, ему хорошо питаться надо.

– Я заберу его.

– А у нас со стариком только пенсия, да и ту не дождешься.

– Я ведь сказала, – нетерпеливо прервала Даша. – Не беспокойтесь.

С заметным облегчением переведя дух, соседка засеменила рядом, оживленно забрасывая Дашу вопросами:

– А вы-то сами как? Не нуждаетесь?

– Я работаю...

– И муж, наверное, при деле? Вы такая хорошенькая! Муж, поди, на руках носит?

– Носит, – отозвалась Даша и про себя продолжила: «Носил бы, если б на свет народился».

Между приступами удушья то и дело пробивалось:

– Не смог приехать-то? У молодых нынче все дела... А как иначе? Наш сынок тоже... Все крутится, крутится... И Ксения сама-то дома почти не появлялась. Леночка все больше одна сидела.

Уже на лестнице соседка просипела:

– Бегите... Открыто там. Я на минутку выходила...

Шестьдесят первая квартира.

Перескакивая через ступеньки, Даша вбежала на третий этаж и с разгона толкнула рыжую дверь. Раздался вопросительный скрип.

– Здесь кто-нибудь есть?

«Солнечная сторона, – вспомнила Даша, стараясь не наступить на выползший в коридор светлый ромб. – Ксению это так радовало, когда она вышла за Бориса... Кто же мог желать ей смерти?! Только не он... Он бы и мухи не обидел...»

– Я есть, – донесся неуверенный мужской голос, и Даша, не разуваясь, шагнула в комнату.

«Ребенок! – едва не вырвалось у нее. – И впрямь – настоящий ребенок...»

Сидевший на полу мужчина доверчиво смотрел на нее и вопросительно улыбался. Он ничем не напоминал сумасшедшего, просто в его светлом взгляде не было ничего взрослого. Такую чистую глубину Даша замечала только в детских глазах. Сережкины мельчали с каждым годом.

– Здравствуй, Даня, – просто сказала она, не представляя, как можно обратиться к нему на «вы».

– Здравствуй, – радостно отозвался он. – Ты за мной пришла?

– А ты поедешь со мной?

«Лучше бы он отказался», – подумала Даша в страхе. Не от того, что он мог согласиться, а от того, как ей вдруг захотелось, чтобы он согласился.

Но Данил, не задумываясь, ответил:

– Поеду. А куда?

Не сняв меховой куртки, в которой было удобно работать, Даша присела так, чтобы ему не приходилось задирать голову. Стараясь особенно не сюсюкать, она сказала:

– Ко мне домой. В другой город. У меня есть сын. Мальчик.

У нее язык не поворачивался предложить этому седому человеку играть с ее сыном, но Данил сам спросил:

– Он будет меня любить?

– Да, конечно! Он добрый.

– А ты? Ты будешь меня любить?

– И я буду.

«Может, он теперь вообще не чувствует возраста? – озадаченно подумала Даша. – И ему все равно, сколько лет мне, а сколько Сережке? А может... А может, он притворяется?! Нет... Зачем?»

– Ты хочешь какао? – улыбнувшись, спросил Данил. – Сегодня давали какао.

«Так говорят в детских садах, – вспомнила Даша. – Или в детских домах. Может, и не было у него никакой мамы с белыми руками?»

– Я не хочу какао, – отказалась она. – Я люблю кофе. Толь-

ко сейчас мне некогда. Я должна уйти... Ненадолго. Сегодня ты еще переночуешь здесь, договорились? А завтра мы с тобой уедем.

Данил согласно кивал, улыбаясь. Заливавшее комнату солнце поблескивало на его волосах, как на круглой заснеженной макушке неизвестной горы.

«Это тоже после того? Или он и был таким?» – попыталась угадать Даша, разглядывая его седину.

Если б она спросила, Данил, пожалуй, не понял бы вопроса...

...На похоронах она держала его за руку, как поступила бы со своим сыном. Ее тревожило, что если Данил опять начнет улыбаться, то это будет выглядеть более чем странно. Ведь всем не объяснишь... Поэтому, прежде чем вывести его из подъезда, Даша сильно сжала его руки и внушительно произнесла то, что должен был понять и ребенок:

– Послушай меня, пожалуйста. Мы сегодня хороним Ксюшу с Леночкой. Плакать не нужно. Просто думай о них. Ты ведь их помнишь? Договорились?

– Договорились...

Он без улыбки кивнул, и его заросшее лицо впервые за те часы, что Даша его знала, стало серьезным.

«Вот так, – с облегчением подумала она, довольная своим воспитательским успехом. – Надо уметь разговаривать с детьми на равных».

Но стоило выйти во двор, как усталость прошедших суток

придавила Дашу к земле. Ей захотелось оглохнуть, потому что весь мир сотрясался от бесцеремонного грохота, доносившегося с соседней стройки, а совсем рядом всхлипывали какие-то женщины, которым незачем было плакать, ведь они даже не могли знать, что именно в Ксении нужно было оплакивать. Они делали это потому, что так полагалось на похоронах, и это казалось Даше отвратительным.

Она приказала себе не плакать ни в коем случае, хотя имела на это право. Вовсе не потому, что была Ксениной сестрой, ведь родственники по крови зачастую оказываются самыми чужими людьми. А потому, что знала о Ксении всё.

«Нет, не всё, – поймала Даша себя на мысли и, незаметно нащупав руку идущего рядом Данила, мягко сжала ее. – Я ничего не знала о нем. Он стал Ксениным миром, а я о нем даже не подозревала. Почему? Какой смысл был в том, чтобы готовить мне такой сюрприз? Почему в последнее время у нее появилось столько секретов? Она сказала, что сменила работу, но так и не призналась, чем занимается...

Данил не ответил на ее пожатие. Его рука оставалась такой же безвольной, но он и не убирал ее. Даша с тревогой покосилась на его пугающе серьезный профиль, серьезный до резких морщин, пущенных из внешних уголков глаза к седому виску, до затвердевшей линии рта и сошедшихся бровей, будто присыпанных серебристой золой.

«Он все понимает! – с испугом подумала Даша. – А если он все же притворяется? Какой идиоткой я тогда выгляжу в

его глазах... Да нет, что за чушь? Придет же такое в голову».

Внезапно он так порывисто наклонился к Даше, что она едва не отшатнулась.

– Ксеню увезут? – спросил он шепотом и внимательно заглянул ей в глаза.

– Да, – прошептала Даша. – А ты останешься со мной.

– А куда ее увезут?

– На кладбище. Там хоронят тела тех, кто уходит из этого мира.

– А если она захочет вернуться?

«Вполне естественный детский вопрос», – решила Даша, отогнав остатки сомнений.

– Если она этого захочет, ей дадут уже другое тело. Совсем маленькое. И мы с тобой уже не узнаем нашу Ксеню.

Он понятиливо кивнул и замолчал, но через несколько шагов снова наклонился:

– А ты не уйдешь от меня?

«От меня! – с горечью отметила Даша. – Вот несчастье на мою голову! Он уже считает меня своей...»

– Я не уйду, – заверила она и покрепче сжала его руку. – У меня тут дел по горло.

О сестре она старалась не думать и даже не смотрела на установленные в открытом грузовике гробы. Любая, даже мимолетная мысль о Ксении вливалась горячей каплей в тот до невозможности разбухший комок, что ворочался в горле, а Даша уже поклялась не выпускать его наружу. Это было ее

горе. Только ее. И Даша ни с кем не собиралась делить его. Даже с этим непонятным человеком, который шел рядом.

Только в автобусе, увозившем их двоих из опустевшего города, она пришла в себя и переполошилась: «Да что же я делаю?! Что скажет Сережка? Да и вообще... Сумею ли я просто прокормить такого здорового мужика? Старушка была права – тут бутербродом не отделаешься».

Может, Даша засомневалась бы и раньше, если б после похорон их с Данилом не принялись допрашивать родственники погибшего вместе с ее сестрой армянина. Им не давало покоя, что Данил не получил ни единой царапины.

«Этого не может быть, понимаешь?!» – кричал самый маленький из них и тыкал Даше в лицо темным, будто измазанным йодом, пальцем.

«Да у него жена и дочь погибли! – орала она в ответ, ничуть не стесняясь слегка подтасовать факты. – Это, думаешь, стоит того, чтобы убрать одного вашего приятеля? Неужели он другого способа не придумал бы? Да ты посмотри на него! Он же помешался от горя. Как вы смеете еще и обвинять его?!»

Ее напористость, выработанная годами битвы с клиентами за обещанный гонорар, смела все их доводы, и армяне нехотя отступили. Им и вправду оказалось не под силу найти причину для убийства настолько вескую, что она перетянула бы жизнь жены и дочери...

«Получается, повезло, – задумчиво сказал молчавший все

это время печальный носатый исполин. – Ладно, парень, живи!»

Окончательно убедив и себя, Даша опять схватила Данила за руку и потащила на вокзал. Поискать среди развалин что-нибудь из его вещей ей даже не пришло в голову. У Даши было чувство, что она под обстрелом выводит раненого с поля боя. Какие уж там вещи...

Отдышавшись в автобусе, она покосилась на Данила со страхом: «Господи, что я буду с ним делать?» Почувствовав ее взгляд, он повернул голову и так улыбнулся, что Даше сразу стало стыдно.

– Хочешь спать? – заботливо спросила она. – Ты ведь устал. Положи голову мне на плечо... Я разбуду тебя, когда приедем.

– Договорились, – снова сказал он, как всегда отвечал Сережка, и засмеялся, довольный собой.

Голова у него оказалась тяжелой, и через четверть часа у Даши уже заболело плечо. Все еще стараясь отвлечь себя от мыслей, она с усмешкой попыталась представить, чем может быть забита его голова. Ей вспомнилась детская песенка: «Из чего же сделаны наши мальчишки?» Заполняя собственную голову, поспешно принялась перечислять, придумывая на ходу: «Из пластмассовых скорлупок... Из припрятанных окурков... Из мыльных пузырей... Нет, это скорее годится для девчонки...»

Пытаясь подражать сестре, Даша попробовала взглянуть

на всё так, будто была хозяйкой мира, и уверяла себя, что большой обузой этот человек не станет. Она подзаработает денег и поместит его в больницу... Кажется, у Веры был знакомый психиатр... И, конечно, надо заявить в милицию, пусть выяснят, кто он такой. В конце концов, это же их работа! Даше больше не нужно было побуждать себя действовать. Она уже действовала, теперь бы еще перестать бояться того, что она делала. Задремав на несколько секунд, Даша прижалась к теплой макушке сидящего рядом мужчины, а проснулась от того, что Данил молча и неумело вытирал ей лицо ладонью. Его разбудило то, что ее щека стала мокрой.

– Вот черт! – пробормотала Даша с несвойственной для нее грубостью и отвернулась. – Я все-таки разревелась...

– Ты плачешь, – с сожалением сказал Данил. – Я тебе уже надоел?

Она резко повернулась и схватилась обеими руками за его большое лицо.

– Ну что ты! Не смей так думать! Я не такая... Я... Я ни за что тебя не оставлю.

Когда он опять успокоенно затих на ее плече, Даша устало подумала: «Так вот в чем дело... Все тот же застарелый комплекс. Жизнь положить на то, чтобы не стать такой, как мать. Чтобы мой ребенок никогда не почувствовал того, что всё детство чувствовали мы с сестрой – мы ей не нужны. В ее понятие о счастье мы не входим... Я даже не посмела сделать аборт, чтобы не приблизиться к ней. И чтобы мой не

родившийся сын не сравнил нас с того света».

Осторожно переменив позу, потому что плечо опять затекло, Даша провела кончиками пальцев по седеющим волосам, которые трогательно жались к коже.

– Спи, маленький, – шепнула она, с трудом удержав задрожавшие от жалости губы.

Отгоняя сон, который делал ее слабой, Даша смотрела за окно, однако теперь лесное кружево не казалось ей сплетенным рукой самой смерти. Если б усталость не напознала на глаза мутной пленкой, она, возможно, разглядела бы и красоту, которую обнаруживали в смерти сотни людей. Но пока не видела ее.

Само понятие красоты всякий раз вызывало в Дашиной душе протест. Она не считала ее непременным условием высшей гармонии, потому что саму Дашу часто называли красивой, но это так и не принесло ей счастья. И в мужчинах она всегда искала другого... В этом они с сестрой не сходились.

Не дыша она покосилась на голову, оттянувшую ее плечо. Ксения всегда выбирала лишь того мужчину, на лице которого приятно остановить взгляд.

Глава 2

– Небо теплое...

– Что? Что?

Даша часто моргала спросонья, пытаясь сообразить, чей голос разбудил ее. За целую ночь блуждания между мгновенно улетевшими назад снами она успела забыть, что «усыновила» чужого человека. Данил стоял у окна, спиной к ней, и его большое тело казалось меньше от того, что прямые лучи солнца сжигали его контуры. Услышав Дашин голос, он оглянулся через плечо, и его губы радостно дрогнули.

– Небо теплое, – повторил он, наслаждаясь привкусом весны, скрытым в этих простых словах.

Не стесняясь его, Даша выбралась из постели и в одной короткой сорочке подошла к окну. Взглянув на градусник, так и ахнула:

– Ничего себе – теплое. Минус тридцать пять!

Словно не понимая этого, Данил смотрел на нее и улыбался. Даше внезапно стало жаль лишать его столь невинной иллюзии. «А может, оно и вправду теплое, – с сомнением подумала она. – Кто его трогал?»

– Как ты спал? – заботливо спросила она, оглядывая разбросанную по полу постель. – Очень жестко?

– Нет, – поблескивая глазами, заверил Данил. – Я так хорошо спал! Я летал во сне. Немножко страшно было.

«Совсем дурачок», – подумала Даша с сожалением и зачем-то потрогала его лоб.

– У меня сегодня только вечерняя съемка, весь день буду с вами, – сообщила она и внимательно взгляделась в его счастливые глазки: понял ли?

– Мы поиграем в карты? – оживился Данил.

Она хмыкнула:

– В «дурачка», да?

Ее усмешка отразилась на его лице такой радостью, что Даше стало не по себе: «Ксюшу только похоронили, а он знай себе – цветет!»

– Там, на небе, не надо дышать, – вдруг сказал Данил, переводя взгляд за окно.

– Да ну? Ты там был, что ли?

– У тебя память, как у старушки, – упрекнул он. – Я же только что рассказал тебе, как летал.

– Так то во сне!

Он упрямо сдвинул посветлевшие с годами брови:

– Ну и что? Какая разница – спишь ты или нет?

– Я всегда считала, что есть разница, – пробормотала Даша, с удивлением обнаружив, что больше не сердится.

– Нет... Всё так же чувствуешь.

– А почему там не надо дышать?

– Там столько воздуха! Он сам в тебя накачивается, как в шарик.

Даша придирчиво поправила:

– Шарик надувают углекислым газом. Или гелием.

Его улыбка медленно съежилась, и Даша едва не шлепнула себя по губам, как поступала с сыном, когда тот говорил гадости.

«Вот бестолочь! – с раздражением подумала она о себе. – Нашла с кем спорить! Да пусть говорит что хочет...»

– Ты мне совсем не веришь? – печально спросил Данил, скосив глаза на окно.

– Ну что ты, мой хороший! Конечно же, я верю. Просто мне немножечко странно это слышать. Я уже давно не летаю во сне.

– А что ты делаешь? – невинно поинтересовался он.

Прыснув, Даша нечаянно прижалась лбом к его горячему плечу и отшатнулась. Данил посмотрел на нее и неуверенно растянул губы.

– Ты что?

«Я забыла, что ты – мужчина, – призналась она про себя. – А ведь ты выглядишь как мужчина, и держишься как мужчина, и пахнешь... Вот только рассуждаешь как ребенок».

– Сейчас мы с тобой позавтракаем, – не ответив, сказала Даша. – Пусть Сережка отоспится, у них в школе карантин. Да еще и морозы такие, что все равно младшие классы не учились бы. Он ведь еще в третьем... Ты, наверное, уже знаешь?

– Нет.

Данил опять отвернулся к окну, но на его лице больше не

было отсвета весенней радости. Подобравшись сбоку, Даша заглянула ему в глаза:

– Я тебя чем-то расстроила?

– Он не хочет со мной разговаривать, – помолчав, произнес Данил. – Но ты не ругай его! Это ведь его дело. Он здесь жил, а я взялся откуда-то на его голову...

– Это он так сказал? Вот поросенок, – сердито пробормотала Даша. – Я не буду его ругать. Только и ты на него не обижайся. Он ведь просто маленький, глупый мальчишка.

Данил коротко взглянул на нее исподлобья и, опустив длинные ресницы, пообещал:

– Хорошо.

– Как ты относишься к яичнице? – деловито спросила она, собирая с пола одеяла. – Честно говоря, я не мастерица готовить...

– Хорошо отношусь, – серьезно ответил Данил.

Он поднял подушку и прижал к животу, не зная, куда положить. Глянув на него, Даша беззлобно фыркнула:

– Ты похож на Карлсона. Варенье любишь?

– Я сгущенку люблю, – простодушно поправил он и вдруг сказал как-то совсем не по-детски: – У тебя такие ноги красивые.

Выпрямившись, Даша выразительно потрясла головой:

– Что-что ты сказал?

Данил сразу смутился:

– Это нехорошо?

– Наоборот. Ну-ка, скажи, что еще у меня красивое?

– Пальцы, – ответил он.

«А мышление у меня, как у самки гиббона», – упрекнула себя Даша и, подняв руку, повертела ею перед глазами.

– На что они, по-твоему, похожи? – с интересом спросила она.

– На струи, – сказал Данил, удивив ее в очередной раз.

– Какие струи?

Он не менее удивленно пояснил:

– Когда бьет фонтан, бывают такие вот струи. Разве ты не видишь? С них как будто стекает музыка.

– Ох ты, как красиво! – восхитилась Даша. – Ты стихи не сочиняешь?

Данил смущенно засмеялся и отвел глаза:

– Нет. А при чем здесь стихи?

– В самом деле... – Она еще раз оглядела свои пальцы. – А я ведь занималась музыкой. Только не окончила школу. Я и художественной гимнастикой занималась. И немного – спортивной. Но у меня ни на что не хватало терпения. А может, таланта... Скорее всего, таланта. Вот только снимать прилично научилась, потому что мой отец... Наш с Ксюшей... был оператором на телевидении. Иногда он брал меня на съемки, а несколько раз даже пускал в студию во время прямого эфира. Знаешь, как интересно! Ну, а потом я институт окончила. Отделение: кино- фото.

Отвлечшись от воспоминаний, она с подозрением посмот-

рела на Данила. Он слушал очень внимательно, но это еще не значило, что он все понимал.

«А может, и понимает, – неуверенно подумала Даша. – С Сережкой же я всегда разговариваю на равных...»

Она шагнула к нему и взялась за подушку:

– Давай я уберу в кладовку.

Выпустив пухлые уголки, Данил вдруг обнял ее вместе с подушкой. Не испытав ничего, кроме удивления, Даша спросила:

– Что это ты собираешься сделать?

– Не знаю, – в его голосе не слышалось ни малейшего лукавства.

Даше тотчас припомнилась слышанная когда-то история о деревенском дурачке, обладавшем фантастической мужской силой.

«Обрадовалась! – пристыдила она себя. – Не с рождения же он был дурачком. Да и не дурачок он вовсе... Это у него шок. Такое проходит».

– Пусти меня, – спокойно попросила Даша. – Пойдем лучше яичницу пожарим.

Он охотно разжал руки, но Даша тотчас нагроутила его одеялами и повела к кладовке, спрятавшейся в углу коридора рядом с ванной. Открыв дверь в теплый полумрак, она наставительно проговорила:

– Будешь убирать постель сюда. Видишь полку? Давай складывай все.

– Они не влезают, – жалобно отозвался Данил из темноты.

– Потому что ты поперек положил. . .

Перехватив стопку, она оттеснила его и уложила все как надо. Он наблюдал поверх ее плеча, не сдвинувшись с места, и Даша внезапно ощутила, как от его близости по ее коже пробежала мелкая теплая волна.

«Пора повидаться с Федором как следует, – подумала она с неудовольствием. – Похоже, я уже на пределе. . .»

Эти свидания никогда не доставляли ей особой радости, но природа требовала своего, и к тому же Федор не был женат. Хотя в последние десять лет Даша и считала себя самостоятельной женщиной, забота о том, что у ее сына должен быть отец, неустанно подтачивала ее, как настырный жучок. Главным образом потому, что Даша не представляла, как прожила бы без своего отца. О матери она никогда не думала.

До ее представлений о настоящем отце Федор никак не дотягивал, и потому Даша всякий раз увивалась от свидания с ним, но наотрез не отказывалась, ведь другого на примете не было. К тому же как раз он и руководил той фирмой «Досуг», где Даша работала. До сих пор Федор ни разу даже не намекал, что она – в его власти, но сама Даша постоянно помнила о том, что необременительный возлюбленный вполне может пустить ее по миру.

– От тебя пахнет яблоком, – тихо сказал Данил.

– Правда? Ну не знаю. . . Тебе нравится?

– Я люблю яблоки.

– Ладно, куплю, – вздохнула Даша. – Вам обоим нужны витамины.

Он обиженно напомнил:

– А шарики?

– Какие... Ах да, шарики... Хорошо, как-нибудь.

Ее вдруг осенило, и, схватив Данила за руку, она потащила его в комнату. На всякий случай, накинув длинный халат – желтый, украшенный прозрачными морскими травами бирюзового цвета, – Даша забралась на стул и вытащила из верхнего отделения шифоньера мешок с вязальными нитками.

– Смотри! – не скрывая ликования, воскликнула она и высыпала разноцветные клубки прямо на ковер.

У Данила восхищенно округлились глаза, а губы медленно приоткрылись. Не веря себе, он опустил на колени и огладил сразу все шерстяные шарики одним широким движением. Встретившись с его сияющим взглядом, Даша поежилась от сожаления, холодком пробежавшего по телу: «Как мало ему нужно для счастья... Может, так и должно быть? Я уже так не умею». Внезапно ей стало так жаль себя, – отягощенную бесконечными делами и заботами, – что она едва не расплакалась. Не пожалев красивого халата, подаренного Федором, она села рядом с Данилом, чувствуя, как ворсинки ковра покалывают через тонкий шелк.

– Это еще что, – мечтательно сказала она и сама увлеклась

тем, что обещала. – Вот когда наступит весна, я поведу вас с Сережкой в лес. Это в двух шагах, мы не заблудимся! Я знаю места, где целое море подснежников и кандыков. А мать-и-мачеха там появляется раньше, чем где бы то ни было... Вот где много цвета! Ты все это увидишь и сможешь потрогать.

Данил слушал ее и тихо улыбался. «Он уже видит это! – догадалась Даша. – Вот счастливчик...»

– Пусть они полежат здесь, – сказала она о клубках. – А мы все-таки должны поесть.

С сожалением оглянувшись на свое пестрое богатство, Данил отправился за ней следом. На кухне Даше пришло в голову провести небольшой эксперимент, и она небрежно попросила:

– Включи газ, пожалуйста.

Не выказав никаких признаков замешательства, Данил чиркнул спичкой и зажег маленькое голубое пламя.

– Красивое, – сказал он, разглядывая нервные крохотные язычки, пляшущие в принудительном хороводе.

С удовлетворением испытателя Даша отметила, что механические операции он проделывает без затруднений. «Ну, не пропадет в случае чего...»

– Что хочешь: яичницу или омлет?

Данил оглянулся:

– Яичницу!

– Потому что она красивая?

– Да! – радостно отозвался он. – А как ты угадала?

Рискуя выронить яйца, Даша развела руками:

– Похоже, начинаю потихоньку понимать тебя.

– А я тебя, – серьезно заверил Данил.

Сдержав улыбку, она одобрила:

– Это хорошо. Так нам с тобой будет проще. А чем Ксения кормила тебя по утрам?

Все его большое лицо так напряглось и сморщилось, что Даша испугалась: «Зачем я напомнила?!» Но оказалось, что это вовсе не боль проступила наружу.

– Ксения? – переспросил он тоном, в котором были и недоумение, и желание держаться на том уровне понимания, о котором они только что говорили.

– Ты уже забыл ее, что ли?! – обиженно воскликнула Даша, готовая стукнуть что есть мочи по его беспомощной голове.

Но тут его глаза снова просияли.

– А, Ксения, – успокоенно проговорил он. – Я думал, ты и есть – Ксения.

– Черт возьми! Я – Даша. Я уже сто раз тебе говорила!

– Да, я помню, – невозмутимо заверил Данил и, по-хозяйски достав из ящичка ножи и вилки, положил их возле тарелок.

«Мог бы и без ножа обойтись», – недовольно подумала Даша. Она терпеть не могла мыть посуду.

– Не так уж мы с Ксеньей и похожи, чтобы нас путать, – проворчала она, аккуратно разбивая яйца.

– Совсем не похожи, – подтвердил Данил.

Забыв выбросить скорлупу, Даша с изумлением обернулась. Ее гость уже присел на низкий подоконник, упершись в него руками. Солнечный отсвет чистого неба оседал на его седых волосах зелеными пятнами.

«Он весь состоит из этих цветных шариков, – подумала Даша. – Совсем запутался в них... Разве можно упрекать его за это?»

– Садись, Даня, – она указала головой на табурет. – Только не ешь без меня! Я сейчас хлеб порежу.

Он ел с аппетитом здорового и влюбленного в жизнь существа. Украдкой наблюдая за ним, Даша заметила, как Данил несколько мгновений любитесь каждым желтым кружашком глазуньи прежде, чем целиком отправить его в рот. Когда в соседней комнате послышалась возня, Данил так и просиял:

– Сережка проснулся.

Но в ту же секунду безмятежная прозрачность утра с треском пошла по швам от глухого удара и пронзительного мальчишеского вопля:

– Скотина позорная!

Одновременно громыхнув табуретами, они бросились туда, столкнулись у выхода, и Даша в сердцах отпихнула Данила. Ворвавшись в комнату, она увидела, как Сережка, еще в пижаме, пытается забраться на шкаф, где, выгнув

взъерошенную спину, шипит Рыжий. Его стоявший торчком хвост подрагивал чуткой антенной, настроенной на вражескую волну. По всему было видно, что сдаваться без боя Рыжий не собирается. Стянув сына вниз, Даша с силой прижала его извивающееся тельце:

– Ну-ка, успокойся!

– Да мама же! – вопил Сережка, выкручиваясь. – Этот гад, паразит чертов, опрокинул горшок с кактусом на мою приставку! Все землей засыпал.

– Прекрати ругаться, – она легонько шлепнула по его мокрому, ускользающим губам. – Сейчас я все уберу.

Но мальчик не желал успокаиваться. Метнув в Данила полный ненависти взгляд, он проорал:

– Какой козел тут клубков накидал? Рыжий разыгрался и начал с ума сходить.

Не выпуская сына, Даша примиряюще проговорила:

– Это я – козел. Это я их тут оставила. Недодумалась, ты уж прости.

– Да?! А если внутрь земля попала? Ты же мне в жизни новую не купишь!

– Я все почищу, – негромко сказал Данил. – Вскрою и уберу всю землю.

– Как будто ты умеешь! – презрительно процедил Сережка, глядя перед собой.

Он с первой минуты стал говорить Данилу «ты», но получилось не доверительно, а пренебрежительно. Дашу это ко-

робило, однако, глядя в наивные глаза этого взрослого человека, трудно было представить, что кто-то может обратиться к нему иначе.

– Я умею, – спокойно ответил Данил и, взяв с журнального столика газету, расстелил на полу возле окна. Осторожно приподняв аппаратик для игр, он ссыпал с нее землю и легонько потряс. Потом оглянулся на Дашу: – Где можно...

– Иди на кухню, я сейчас принесу инструменты. У отца их было полно...

Отыскав в кладовке знакомую коробочку с маленькими отвертками, пинцетами и прочим, Даша торжественно поставила ее перед Данилом. Не испытав ни малейшего замешательства, тот выбрал нужную отвертку и принялся уверенно откручивать блестящие шурупы.

«Ух ты, как ловко! – восхитилась Даша, наблюдая за ним. – Видно, он занимался этим тысячу раз».

– А ты не посмотришь потом наш плеер? – осторожно спросила она. – Что-то цвет иногда пропадает.

Не прекращая работы, Данил согласно кивнул:

– Посмотрю.

«Ничего себе! – подумала Даша, на цыпочках выходя из кухни. – Если он с этим справится, ему просто цены нет!»

Она смела всю землю обратно в горшок и, осмотрев корни несчастного кактуса, который и так не хотел расти, воткнула его туда же. Презрительный взгляд Рыжего покалывал макушку, но Даша все еще сердилась на кота, который, даже

не будучи черным, ухитрялся то и дело вносить разлад в их жизнь.

– Для тебя я достала эти клубки, да? Паразит чертов, – повторила она слова сына, который умывался в ванной и не мог слышать.

Обернувшись, она убедилась, что кот пропустил слова мимо ушей; как поступал всякий раз, когда ему выговаривали за провинность. В такие минуты у него случались приступы чистоплотности, и Рыжий принимался вылизываться так тщательно, будто надеялся стать блондином.

– Паразит, – подтвердила Даша и с неохотой взялась за тряпку.

Протирая подоконник, она глянула в окно и жалобно воскликнула:

– Только не это!

У подъезда стояла черная «Волга» Федора. Он с язвительной усмешкой заявлял, будто ездит на этой машине, чтобы поддержать российский бизнес. Не слушая его, Даша мрачно думала: «Да плевать тебе на всех российских бизнесменов, кроме себя самого! Кому бы рассказывал...»

Пока она обреченно тащилась к входной двери, в мыслях, тесня друг друга, пробежали черные волны. Одна из них накатывала упреком, что Даша не удосужилась даже поставить Федора в известность, уехав на похороны. А другая поддразнивала: «Ну, объясни ему, объясни, что это за мужик сидит у тебя на кухне в спортивных трусах?» Зато третья обдавала

холодным безразличием: «Да не все ли равно, что подумает о тебе это ничтожество? Не считаешь же ты, что он тебе верен? Смешно даже думать об этом!»

Даша на такое и не надеялась. Впрочем, ей и не хотелось на это надеяться.

– Привет, лапуня, – по обыкновению томно протянул Федор, когда она открыла дверь.

Он утверждал, что именно так говорят на Украине, откуда Федор был родом. Даша не могла этого оспорить, поскольку с детства не выезжала из Сибири, но была убеждена, что эта неестественная, неприятная манера – его собственная. Дашу от его скучающего голоса неизменно тянуло в сон, поэтому уложить ее в постель оказывалось проще простого.

– Ты не больна? – без интереса спросил он и, не дожидаясь приглашения, которого Даша могла и не сделать, прошел в комнату. – А то я тебя потерял. Вчера пришлось собственно-ручно снимать совершенно идиотский праздник в каком-то училище... Как у вас в Сибири их называют? Шараги? Настоящая шарага. Плечи до сих пор болят, между прочим! Так что придется тебе масси...

Федор вдруг замолчал на полуслове. Едва не повизгивая от восторга, Даша со злорадством наблюдала, как он, застыв с приоткрытым ртом, разглядывает Данила такими глазами, будто у того было по меньшей мере две головы.

– Это... что? – утратив манерность, спросил он заикаясь.

– Это не что, а кто, – сдержанно поправила Даша. – По-

знакомьтесь, пожалуйста.

Данил улыбнулся так радостно, словно только и ждал появления гостя.

– А я вычищаю землю, – гордо сообщил он.

Федор медленно перевел на Дашу взгляд, полный такого неподдельного изумления, что даже стало слегка его жаль.

– Что он сказал?

– Пойдем, я тебе все объясню, – она не удержалась от смеха, поглядев на сияющее лицо Данила.

«Я вычищаю землю, – повторила она про себя. – Это звучит внушительно...»

Выскочив из своей комнаты, Сережка вежливо сказал:

– Здравствуйте. Заменяли стекло?

С первого же дня Федор запретил мальчику называть его «дядей», потому что сказки Успенского были у всех на слуху. Но обратиться к нему просто по имени Сережка до сих пор не решался.

– Пришлось, – понемногу приходя в себя, отозвался Федор. – Как там моя красавица? На месте?

Сережка отпрыгнул к окну и прижался к стеклу носом.

– Стоит. Вокруг ни души, – бодро отрапортовал он.

– Смотри-ка, что я тебе принес, – вспомнил Федор и запустил узкую ухоженную руку за пазуху.

– Во, класс! – завопил Сережка, выхватив маленького робота. – Он заводной, да?

– На батарейках, – рассеянно сказал Федор и, повернув

мальчика, слегка его подтолкнул. – Ну иди, поиграй. Нам с твоей мамой нужно кое-что прояснить.

Хитро прищурившись, Сережка мотнул головой в сторону кухни:

– На счет этого? Да это так, дурачок один. Не берите в голову.

– Ну-ка, иди отсюда! – вскипела Даша. – Никогда не лезь не в свое дело!

Что-то пробурчав (ей ничуть не хотелось узнать – что именно), мальчик, прихватив нового робота, скрылся в своей комнате. Федор проводил его нетерпеливым взглядом, но в движении, которым он поправил свои мелкие черные кудри, были степенность и снисходительность.

– Итак? – вопросительно протянул он.

Даша уже приготовилась рассказать все, чего Федор не знал о последних днях, но вместо этого почему-то спросила:

– Что – итак?

Он сразу подобрался, и в вытянутом лице, носившем печать хронической усталости, проявился интерес. Такое выражение Даша наблюдала, лишь когда Федора настигал слух о возникновении очередной конкурирующей фирмы.

– Я полагал, что ты хочешь мне рассказать нечто занятное.

Даша согласно закивала:

– Я тоже так полагала. А теперь вот чувствую – не хочу, и все тут! Ничего не попишешь.

– Значит, вот как?

Расстегнув кожаный плащ на меху, Федор неторопливо прошелся по комнате, оглядывая все вокруг с таким удивлением, будто видел впервые.

Заметив на ковре перышко, он указал на него тонким узловатым пальцем:

– Вы так бурно провели эту ночь? Что делали? Подушками кидались?

– Не только, – уклончиво ответила Даша.

– А чем еще можно с ним заниматься? Он же дурачок. Даже твой сын...

– С каких это пор мой сын стал для тебя авторитетом? Может, с тобой тоже что-то произошло?

– А с тобой произошло? Где ты его подобрала?

Его узкие губы уже побледнели от гнева, но Даша наблюдала за ним с хладнокровием, удивлявшим ее саму.

– По наследству достался, – честно призналась она, зная, что как раз в это поверить невозможно.

Федор остановился, смерил ее взглядом и язвительно посоветовал:

– Пока не поздно, поменяй на кота в сапогах.

Не справившись с собой, Даша расхохоталась ему прямо в лицо и нахально ответила:

– Ну что ты! Он гораздо лучше кота.

– Даже проверять не буду, – угрюмо заверил Федор. – Я все-таки не понял: это всерьез? Да нет, не может быть...

– Почему это? – возмутилась она.

– Насколько я заметил, твой сын тоже не в восторге.

– А кто еще не в восторге? Я – в полном!

Теряя терпение, он повысил голос и перестал растягивать слова так, что каждое обвивалось вокруг шеи:

– Но этот парень... Он действительно слабоумный?

– Нет, он тебя разыграл, – с легкостью солгала Даша. –

Чтоб ты драться не полез.

– Я? Драться?! Ты в своем уме? Я с пяти лет не дрался.

А может, и до того...

«Нашел чем хвалиться!» – с раздражением подумала Даша, испытывая во всем теле то ощущение неловкости, которое возникает после порыва пыльного ветра. Ей не терпелось выставить Федора за дверь, сбросить подаренный им халат и прыгнуть под душ. Эта мысль так утянула ее, что Даша незаметно повела плечами, ловя невидимые упругие струи.

– А я все!

Она быстро обернулась на голос Данила и шагнула к нему так порывисто, будто собиралась нырнуть в незамутненную глубину его глаз.

– Может, вы все-таки позволите нам поговорить? – резко спросил Федор, полоснув его ожесточившимся взглядом. – Что за невоспитанность?

Перестав улыбаться, Данил прижал приставку к груди и молча скрылся в кухне. У Даши вырвалось:

– Зачем ты?! Не смей его обижать!

Она бросилась следом и нашла Данила на полу возле ра-

ковины. Он сидел, уткнувшись лбом в колени, а спасенная им приставка сиротливо жалась к его боку. С силой подняв его голову, Даша увидела, как подступающий плач оттягивает вниз уголки его рта.

– Мой хороший, – взмолилась она, торопливо поглаживая подрагивающие щеки, – только не плачь, слышишь? Он того не стоит! Я не дам тебя в обиду, ты мне веришь?

Справиться с трясущимися губами ему не удалось, и Данил только кивнул.

– Ну, вот и хорошо. – Она прижалась лицом к его колючей щеке. – Ты – умница, все сделал. Сейчас мы проводим этого... гостя... и проверим, как она работает.

– Я и плеер сделаю, – слегка успокоившись, пообещал он.

– Да конечно, сделаешь! Ты у меня такой молодец...

– Ты у меня? – раздался голос Федора, в котором опять зазвучали привычные интонации.

Он так резанул Даше слух, что ей захотелось демонстративно сунуть в ухо палец и как следует потрясти. Но она не выпустила судорожно сжавшихся рук Данила.

– Тебе лучше уйти, – холодно сказала она Федору и выразительно оглядела его, начиная с дорогих немецких сапог. – Мы потом встретимся и обсудим все... дела. Сейчас не время.

– Я вижу, – насмешливо отозвался он. – А мальчишка-то был прав...

– Ну и что с того? – напрямик спросила она.

Узкие кожаные плечи слегка передернулись:

– Да ничего. Твое право. Смешно просто.

– Вот и смейся на здоровье, – опять разозлившись, отрезала Даша. – Только подальше отсюда. «Волга» уже окоченела без тебя.

Она рассчитывала, что он обидится и уйдет, обругав ее напоследок, но Федор даже не двинулся с места. Заложив руки за спину и чуть покачиваясь на носках, он беззастенчиво разглядывал сжавшегося в углу Данила.

– В своем плаще ты похож на эсэсовца, – не выдержала Даша.

Не обратив внимания на ее слова, Федор серьезно спросил:

– А все-таки что с ним?

– Пережил нервное потрясение. – Она улыбнулась Данилу. – Но все будет хорошо, правда?

– Я почию плеер, – заискивающе проговорил он.

Федор издал торжествующий возглас:

– А так ты все же как-то его используешь?

– Прекрати говорить при нем всякие гадости. – Она мягко высвободилась из рук Данила и поднялась. – Я провожу тебя...

– Да я и не торопился, – пробурчал Федор, шагая к двери. – Все же кто он такой? Откуда он взялся?

Щелкнув замком, Даша придержала дверь и наспех проговорила:

– У меня сестра погибла. Я ездила ее хоронить. Она соби-
ралась за него замуж, так что он мне вроде как родственник.
Как видишь, он выжил.

– А почему ты мне не сказала? – с упреком спросил Федор
и осторожно положил руку ей на плечо. – Я съездил бы с
тобой. А то пропала, и все! Я уж не знал, что и думать...

– Я не успела предупредить, все произошло внезапно, –
опять солгала Даша и чуть шире открыла дверь.

– И что ты будешь с ним делать? Его же лечить надо. Нель-
зя это так оставлять!

Его голос зазвучал сочувственно, и это было так непри-
вычно, что Даше сразу стало не по себе. Изнывая от желания
вытолкать Федора, она нехотя призналась:

– Вера советует то же самое. Наверное, надо... А может,
сам отойдет?

– Почему ты меня выпроваживаешь? Объяснила бы все
сразу, я по-другому бы с ним разговаривал.

«Ты по-другому не умеешь!» – огрызнулась Даша про се-
бя.

– Что уж теперь, – сказала она. – Ты уже напугал его. Те-
перь он будет шараться от тебя.

– Я вообще-то надеялся увезти тебя куда-нибудь. – Он
оскорбленно приподнял голову.

Быстро потеревив пальцем узкий, выступающий подборо-
док, Даша проворковала:

– В другой раз, ладно?

– Понятно, что в другой раз... Я надеюсь, беспокоиться мне не о чем? – с нажимом произнес Федор и нахмурил брови, что вышло у него совсем не грозно.

Даша пылко возмутилась:

– Да ты что?! Хорошего же ты обо мне мнения!

Эта финальная сцена до того рассмешила ее, что, едва закрыв за Федором дверь, она так и зашлась беззвучным хохотом. Цепляясь за стены, Даша добрела до кухни и в изнеможении опустилась на пол рядом с Данилом. Он посмотрел на нее с веселым удивлением и нерешительно улыбнулся.

– Привет. – Даша подтолкнула его плечом. – Ты кто?

– Я – вождь племени сахаптинов, – гордо ответил он.

– Почему именно сахаптинов?

Выразительно выпучив глаза, Данил подергал плечами:

– Таким родился.

– А я кто? Ой, у меня уже слезы текут!

Он усердно вытер ей глаза ладонью. Только сейчас Даша заметила, что вся кожа на его руках покрыта ссадинами, уже поджившими, но все еще слегка воспаленными.

«Наверное, он выбирался из-под завала и весь ободрался», – с состраданием подумала она и, не задумываясь, имеет ли на это право, погладила его руку.

– А кем ты хочешь быть? – серьезно спросил Данил. – Хочешь, будь моей невестой? Я принесу тебе подарок.

– Какая уж из меня невеста, – без сожаления отмахнулась Даша. – Мне бы уж сразу в жены.

Он тотчас согласился:

– Можно. Для этого ты должна принять мой подарок.

– И все?

– А что еще?

– Действительно, – пробормотала Даша, украдкой оглядев свой красивый халат, – зачем принимать подарок, если и речи нет о том, чтобы стать женой.

Она думала обо всем этом поздно вечером, когда, уложив всех спать, по привычке закрылась на кухне, чтобы в темноте послушать радио. Все звуки в ее любимой магнитоле, подаренной сестрой, были так чисты, словно тут же, за столом, сидел невидимый музыкант и под гитару нашептывал грустные песни. Тихонько щелкнув рычажком, Даша легла на руку и увидела между легкими занавесками маленькую звезду.

«Техас называют штатом «одиноким звезды», – вспомнилось ей. – Почему? О каких индейцах он говорил? Может, они как раз оттуда? Я никогда не читала про индейцев, только смотрела в детстве фильм про Чингачгука... Надо бы расспросить Данила, наверное, это занимательней новостей, которые я зачем-то слушаю каждый день. Что в них может быть интересного? Все одно и то же... И вообще, что интересного в этой взрослой жизни?»

Сестра опять настойчиво просилась в ее мысли. Ксения никому не позволяла забывать о себе надолго, даже бывшему мужу звонила, как по графику, каждое воскресенье.

«Зачем? – удивлялась Даша. – Оставь ты его в покое! Ты же сама хотела, чтобы он ушел. Он и квартиру тебе оставил, и алименты платит, что тебе еще надо?»

У Ксении начинали злорадно посверкивать глаза: «А вдруг ему хорошо живется? Пусть помнит, что я существую!»

«Почему я думаю о плохом? – спохватилась Даша. – Разве так можно после похорон? Хотя... Почему это – плохое? Такой она была, и я ее любила. Она же не вождь, чтобы перевозить ее после смерти. Хотя теперь им тоже достается...»

И все же ей хотелось помнить только хорошее, ведь тако-го было много, а в голову лезли какие-то неприятные воспо-минания, которые, казалось, давно забылись. Она вдруг уви-дела себя первоклассницей, с испачканными ладошками и двумя смешными «хвостиками», перетянутыми резинками от бигуди.

«Где отец взял эти резинки? – запоздало удивилась она. – Ведь в нашем доме никогда не появлялись женщины».

Их вечное неприсутствие тоже показалось странным – те-перь, на расстоянии. А тогда они с сестрой и не представля-ли, что может быть иначе. Папа принадлежал только им.

«Бедный!» – Даша скривилась от раскаяния, но тут ее опять отвлекла проявившаяся сквозь время картинка, и она покрепче зажмурилась, чтобы лучше рассмотреть.

Ее слабые лопатки опять сдавила жесткая спинка стула: сестра привязывала ее, чтобы Даша не сутулилась. Спро-

тивляться не имело смысла, ведь Ксения всегда добивалась своего. Даше было больно и все время хотелось плакать, поэтому уроки она делала «тяп-ляп», как говорил отец, просматривая ее тетради, покрасневшие от троек.

«Все-таки это свинство! – с негодованием остановила себя Даша. – Совсем не время вспоминать такое... Хотя... Спи-на-то у меня прямая – дай бог каждому! Почему же я думаю об этом без благодарности?»

Тихим ответом, о котором Даша уже и сама догадалась, скрипнула кухонная дверь, и, просунув голову в щель, Данил шепотом пожаловался:

– Я не могу уснуть.

Даша выпрямилась и поманила его рукой:

– Иди, посиди со мной.

Он тщательно притворил дверь:

– Сережку не разбудить бы.

– Не бойся, у него крепкий сон. Иди же сюда... Ты любишь музыку?

– Да, – не сразу ответил Данил и, придвинув табурет, сел совсем близко. – Ты и вчера тут сидела и слушала эту магнито-лу, и сегодня... Почему?

Неловко усмехнувшись, Даша совсем тихо призналась:

– Она поет мне о любви. Только она одна и поет. – И, вспомнив его обещание, спросила: – Ты еще не приготовил мне подарок?

– Нет, – с сожалением сказал он. – Я не успел. Зато плеер

починил.

– Где ты этому научился?

– Не знаю. А этому учатся?

Даша в замешательстве раскрыла рот, потом посмотрела на Данила повнимательнее и с сомнением произнесла:

– Может, и нет... Почему ты назвался вождем племени сахаптинов? Они какие?

– Они настоящие, – уверенно ответил он и в подтверждение несколько раз качнул крупной головой.

– А ты? – с любопытством спросила Даша. – Ты – настоящий?

Он вдруг растерялся и жалобно заморгал:

– Я... я не знаю... Вот ты – настоящая.

– Почему? – Она замерла, ожидая ответа.

– У тебя глаза такие... Настоящие.

– Они у меня карие. А у принцесс всегда бывают синие.

Выпятив большие губы, Данил взглянул на нее с укором, потом не выдержал:

– Ты хочешь быть принцессой? Ты уже не хочешь быть моей женой?

– Хочу, – не смутившись, сказала Даша. Она взяла его руку и, зажав остальные пальцы, направила указательный на окно. – Смотри, там звезда.

Сосредоточенно проследив взглядом, Данил обрадовался:

– Правда, звезда! Маленькая...

– Тебе ее жалко?

– Может, ей нравится быть одной, – задумчиво ответил он. – Это ведь часто бывает.

Даша с тревогой спросила:

– А тебе?

– А мне нравится быть с тобой, – просто сказал он. – Возможно, я тебя поцелую?

Не ответив, она повернула к нему лицо, но Данил осторожно прикоснулся губами к ее щеке.

– Вот так. – Он громко, счастливо вздохнул. – Вот теперь я усну.

Глава 3

– Ты уходишь?

«Опять!» – простонала она про себя. Всякий раз, когда за спиной раздавался этот жалобный возглас, у Даши так и сжималось сердце. Стараясь грубостью вытеснить жалость, она твердила слова подруги: «Купила себе поросю...» Еще не обернувшись, она поняла, что сейчас Данил попросит взять его с собой.

– Возьми меня с собой...

– А Сережка? – попыталась защититься она. – По-твоему, он один должен сидеть?

Данил умоляюще заглядывал снизу ей в глаза:

– Он поиграет с приставкой. Она хорошо работает! Ему не будет скучно.

– Вот и ты поиграй...

– Я не люблю. У меня не получается.

– Как раз и научишься...

– Зачем?

«Действительно, – согласилась Даша. – У меня ведь тоже это не получается, но я и не собираюсь учиться».

Не позволяя себе окончательно размякнуть, она сердито спросила:

– Даня, почему ты все время сидишь на полу?

– А нельзя? – растерялся он.

– Да можно! Только... Тебе не холодно?

Мотнув головой, он широко улыбнулся, и в глубине слева сверкнула золотая коронка.

«Я ничегошеньки о нем не знаю, – уже без прежней паники подумала Даша. – Может, ему зубы надо лечить или чего-то нельзя есть... Кормлю его, как Сережку».

– Я боюсь вставать, – тихо признался Данил, отведя глаза. – Когда я стою, все кажется таким странным...

«Потому что ребенок смотрит на все снизу, – догадалась Даша. – Он считает естественным такой взгляд».

– Индейцы всегда сидят на земле, – добавил он.

– Как же ты собираешься идти со мной? – Она решила его развеселить. – На четвереньках?

Он громко расхохотался, спугнув кота, и умоляюще заглянул Даше в лицо. Не удержавшись, она погладила его по голове, потеревив щепотью постаревшие волосы. За эти полмесяца странности Данила совсем перестали ее пугать, и Даша уже не находила ненормальным то, что разговаривает, как с сыном, с человеком, который лет на десять ее старше.

– Я встану, – пообещал Данил, но не сдвинулся с места.

Рыжий опять бесстыдно развалился у него между ногами, устроив на большом колене вытянутую несимметричную морду. Подавив вздох, Даша без особого желания сообщила:

– Я иду в кафе. По четвергам там собираются поэты. Ты любишь стихи?

Когда его лицо вот так болезненно напрягалось, у Данила

становился настолько несчастный вид, что Даша была готова за него ответить на все вопросы. Но она держала свое сострадание под контролем, полагая, что необходимо приучать его к мысли, что надо взрослеть. Правда, иногда она с недоумением спрашивала себя: «А зачем? Он такой хороший...» Потом принималась себе же яростно доказывать, что это просто необходимо, и все. Без объяснений.

– Я не знаю стихов, – наконец признался он и покраснел до того, что даже глаза заслезились.

– Пойдем! – вырвалось у Даши.

Она решительно протянула руку, и Данил, стряхнув ко-та, обрадованно схватился за нее. Дав Сережке последние наставления, от которых десятилетний сын небрежно отмахнулся, она поглубже натянула Данилу меховую шапку и закутала горло. Месяц назад Даша и вообразить не могла, какое это, оказывается, удовольствие: заботиться о мужчине. Сережка ей этого уже не позволял и вырывался на улице, если Даша пыталась взять его за руку. Она все время ощущала в ладони пустоту.

«Почему ты не играешь с Данилом? Ему же скучно одному», – как-то сказала она, увидев, как сын перетаскивает игрушки в другую комнату.

«Да ну его, – пробурчал Сережка в ответ и вывалил гору пиратов на ковер. – Он как маленький... Всему верит! С ним неинтересно».

Даша строго напомнила:

«Он болен, ты же знаешь».

«Да знаю... Только все равно неинтересно. А он так никогда и не повзрослеет?»

По дороге она держала Данила за руку и наслаждалась этим, исподволь наблюдая, как он смешно морщится от мороза и прикрывает нос рукавичкой. Своих у него не оказалось, как и шарфа. Даша отыскала на антресолях отцовские варежки, а шарф отдала свой – старый. Она больше не задавалась вопросом, зачем же это делает. Ей нравилось это делать. Неприятно было только отвечать на вопросы посторонних.

Но в том кафе, куда они направлялись, никто никем не интересовался. Считалось, что по четвергам там собираются послушать друг друга, но Даше казалось, что каждый слышит лишь собственные стихи. Ее это вполне устраивало, потому что она стихов не писала и говорить ничего не собиралась. Даше просто хотелось побыть со всеми на равных, ведь обычно всё обстояло иначе: все отдыхали, а она работала.

– Мне нравится, – весело сообщил Данил, опустив руку. Нос у него был совсем красным.

– Закрой, закрой! – крикнула Даша. – Отморозишь еще... Такая холодища несусветная!

– Мы так долго идем...

– Да мы только вышли! Ты что, уже устал?

Он молча дернул плечами и опять закрылся варежкой. Приняв его послушание как должное, Даша встревоженно

подумала: «Устал... Это еще что за новости? Не может же он и физически превратиться в ребенка... Или усталость – это тоже психическое явление?»

Сама Даша только дома позволяла усталости тяжестью осесть в пояснице и грузом повиснуть на ногах. Тогда она задирала их на спинку дивана и минут на десять «умирала», как говорила сыну, чтобы он ее не тревожил.

«Мам, ты воскресла?» – лукаво спрашивал Сережка через какое-то время.

«Жизнь продолжается», – думала Даша без особого энтузиазма и заставляла себя встать.

– Наша «Радуга» – особый район, – заговорила она, чтобы развлечь Данила. – У нас свои тайны. Вот, например, видишь магазин «Чибис»? Для приезжих это самый обычный магазин, а местные помнят, что на «Радуге» жил парень по кличке Чибис. И все девчонки были в него влюблены... По-моему, даже Ксюшка, хотя она вообще ни в кого не влюблялась.

– И ты? – спросил Данил через варежку.

Даша преувеличенно громко фыркнула:

– Да еще маленькая была! Его убили, этого парня... Оплакивал его весь наш район, честное слово! И теперь, когда я вижу этот магазин, мне кажется, что им владеет одна из тех, влюбленных в Чибиса, девочек.

– Но ты – нет, – радостно повторил он, заглянув ей в лицо.

– Вот и пришли! – бодро воскликнула Даша и сама покри-

вилась от этого ненатурального «взрослого» тона.

Как чужой, она с раздражением напомнила себе: «Он же не слабоумный, а просто ребенок».

Владелец этого нового для «Радуги» заведения в прошлом году издал на собственные деньги книжечку своих стихов, которые Даша не могла читать без зубовного скрежета. Но это событие настолько подняло Василия Скорнякова в собственных глазах, что он даже ощутил настоятельную потребность облагодетельствовать собратьев по перу. Кроме бесплатной рюмки водки по четвергам, его поэтическая фантазия ничего не выродила, однако, насколько Даша успела заметить, и этому убогому дару все были искренне рады. Сам Скорняков от своей человеческой щедрости тоже не оставался внакладе, потому как остановиться после первой рюмки мог только случайный посетитель. На Дашу хозяин поглядывал косо, ведь водки она не пила даже на даровщинку, а заказывала чашечку кофе. Но у Скорнякова хватало ума понимать, что красивая женщина обладает притягательностью для поэтов, даже если она так откровенно бедна. Правда, уже после второй рюмки собравшиеся почему-то переставали замечать каких бы то ни было женщин. Дашу это ничуть не задевало, ведь мужчин она в них не видела.

– Давай снимем шапку, – предложила она в «предбаннике».

Данил поспешно стянул ушанку, потом рукавицы и взглядом спросил ее: «Всё?»

– Остальное снимем в зале, – ответила она. – Там стоят такие металлические вешалки с рогами!

Она изобразила это руками, рассмешив Данила. Он всегда хохотал во весь голос, не обращая внимания, есть ли рядом люди. «Может, так и надо, – с сомнением думала Даша, подталкивая его к своему любимому столику в углу. – Почему нас волнует чужая оценка собственного поведения? Кто сказал, что она – правильная? А если вокруг дураки?»

Даша вовсе не была уверена, что вокруг дураки, но допускала такую возможность. Уже полгода она приходила к Скорнякову по четвергам и не раз имела возможность убедиться, что, оказывается, не все писатели так умны, как ей казалось раньше. Поначалу Даша впитывала их суждения с благоговением жадной до знаний ученицы, но однажды услышала, как повторился один из них, преподав уже звучавшую мысль, как только что родившуюся. Потом другой... За несколько месяцев Даша не менее трех раз выслушала все истории о шапочном знакомстве с известными поэтами и выучила все знаменитые афоризмы. И не ощутила, что стала от этого хоть чуточку умнее.

Уже начиная скучать в их кругу, она все же не решалась от него оторваться, потому что другого у нее попросту не было. Чужие праздники обычно кружились вокруг нее хоровами, не увлекая за собой. И в кафе Даша не чувствовала себя своей и всегда молчком просиживала вечера в своем уголке. Но здесь было еще несколько таких же, как она, –

прибывшихся с мороза к огоньку, и это позволяло Даше не видеть в себе приживалку.

Сейчас ей казалось, будто она на глазах неверного возлюбленного прогуливалась под руку с другим. Толкая Данила в спину, она словно выставляла его напоказ: «Вот, глядите! У меня тоже есть мужчина. Да еще какой!» В эти минуты Даша смотрела на него чужими глазами, и то, что она видела, ей нравилось. Даже больше, чем она ожидала.

«Все же надо его вылечить, – мелькнула у нее шальная мысль, но Даша тут же испугалась ее. – Да что это я... Он же Ксюшин... Но ведь...»

Ей до сих пор было страшно до конца отслеживать любые мысли о сестре. Но, как ни странно, Данил не служил живым раздражителем ее неостывшей боли. Даша почти и не вспоминала, что он так тесно был связан с сестрой, ведь ей не доводилось видеть их вместе.

– Снимай свою дубленку, – шепнула она, добравшись до столика.

Он послушно разделся, потянулся к вешалке, потом замер, осмотрел ее и поглядел через плечо на Дашу заискрившимися глазами. Когда Данил смеялся, глаза у него начинали светиться.

«Даже ресницы у него, как у ребенка, – длинные», – с умилением отметила Даша. У Сережки тоже были длинные, но она почему-то и мысли не допускала, что такими они и останутся.

– Рога, – шепнул Данил и стрельнул глазами по сторонам: не услышал ли кто?

«А-а, соображает, что нужно говорить тихо!» – обрадовалась Даша. Ей не хотелось попадать из-за него в неловкие ситуации, хотя до сих пор Данила не в чем было упрекнуть – он вел себя вполне сносно. Наверное, со стороны и подумать нельзя, что с ним что-то не так.

– Садись, – негромко сказала она и сама села первой, чтобы (опять же со стороны!) никто не посчитал его дурно воспитанным. Отчего-то ей казалось, что Данил каким-то образом это почувствует.

Пока не подошел официант, в котором Даше виделся скрытый кокаинист, она решила выяснить, что Данил захочет заказать. В его взгляде опять проступила растерянность, а губы озабоченно напряглись. Он так силился угодить ей и не оплошать, что Даша сжалилась и подсказала:

– Хочешь «Пепси»?

– Хочу! – Его еще красное с мороза лицо оживилось.

На прошлой неделе Даша покупала им с Сережкой двухлитровую бутылку, и они оба так обпились, к вечеру начали икать. Это развеселило их до неприличия. Данил хохотал так громко, что Даша пригрозила дать обоим ремня.

– А икать не будешь?

Он тихонько прыснул и помотал головой. «Хороший мой, – с нежностью подумала Даша и опять едва не погладила его по голове. – Повезло твоей маме... Такой милый был

мальчик».

Ее внезапно охватило чувство, полярное тому, что она испытывала минуту назад: страх, что он вылечится и станет как все. Взрослым.

Перебивая собственные мысли, она быстро заговорила:

– Когда подойдет официант, скажи ему: «Кофе и “Пепси”».

Данил вопросительно склонил голову:

– Кофе? Зачем?

– Мне – кофе.

Он понятливо кивнул:

– Скажу. Так надо?

– Да, так надо. Заказ делает мужчина.

– Мужчина, – повторил он и довольно разулыбался.

– Ну да. Можешь поиграть во взрослого?

Не выказав ни малейшего удивления, Данил подтвердил:

– Могу.

Даша с изумлением проследила, как он небрежно откинулся на спинку, положив руку на стол, слегка побарабанил пальцами и оглядел зал с видом готового зевнуть аристократа.

«Вот, черт возьми! – восхитилась она. – Все дети – великие актеры».

Но прежде официанта к ним подошел один из поэтов, имя которого Даша не запомнила, поскольку его стихи прошли мимо нее. Она не бралась судить, плохи они или хороши.

Просто одни ложились ей на душу, а другие – нет.

– Вечер добрый, – прохрипел поэт, низко наклонясь над столиком. – Мы не знакомы? Вы не из наших? Где я мог вас видеть?

Он обращался только к Данилу, на вспыхнувшем лице которого выразился неподдельный ужас. А Даша моментально представила, что на такой вопрос может ответить ребенок. Да что угодно!

– Вряд ли вы его видели, – не позволив ему и рта раскрыть, сказала она. – Он приезжий.

– Москвич? – почему-то спросил поэт, еще ближе подавшись к Данилу.

Но тот неожиданно хихикнул:

– «Москвич» – это машина.

Похожие на запятые брови высоко подскочили над переносицей. Поэт с недоумением протянул:

– Шутите?

Данил только радостно улыбался. «Гордится тем, что блеснул эрудицией», – поняла Даша.

– А что, – спросила она с вызовом, – здесь и пошутить нельзя?

– Все можно, – задумчиво ответил безымянный стихотворец, не сводя с Данила пристального взгляда. – Значит, на контакт идти не желаете?

– Что это вы о нем как об инопланетянине?

– А он и похож...

Нетерпеливо поерзав, Данил весело спросил:

– Кто?

– Ты, – строго сказала она.

Он сразу притих, лишь изредка коротко поглядывая на поэта, который, наклонившись к Даше, с присвистом прошептал:

– Он сильно под кайфом?

Открыто поморщившись от его тяжелого запаха, она отрезала:

– Ничего подобного. И вообще, какое вам дело? Что вам от нас нужно?

– Он знает, где достать?

– Что?!

Толкнув столик так, что поэт чуть не упал, она грозно прошипела:

– Отстаньте от нас, пока я не позвала милицию! Старый идиот...

– Да что это с вами, – виновато забормотал тот, переступая с ноги на ногу, но все еще не отходя от столика. – Я же не стукач... Я так... Для себя... Молодой человек показался мне знакомым, я подумал, что, может, он...

Даша нетерпеливо прервала его:

– Нет. Вы ошиблись. И, кстати, он не моложе вас, нечего говорить о нем в таком тоне.

«Я уже защищаю его, как собственного ребенка. – Ей самой стало смешно. – А он, бедный, даже не понимает, в чем

дело...»

Данил уже давно убрал со стола руку и теперь сидел, зажав ладони между коленями. Его широкие плечи были напряжены, а шея склонена, будто он покорно подставил ее под секиру. Бросая исподлобья настороженные взгляды, он силился угадать, что происходит, но это давалось ему с таким трудом, что на лбу проступила влага. Когда они остались вдвоем, Данил потерянным голосом спросил:

– Даша, а что со мной?

– А что с тобой? – Она нервничала и не умела этого скрыть. – Этот человек просто ошибся, вот и все. Он принял тебя за другого. С пьяными это часто случается.

Он послушно кивнул и уставился в стол. «Где этот чертов официант?!» – Даша нетерпеливо огляделась, но маленький зал был полон, как вокзал в старые времена. Никто не стоял на месте, все будто искали кого-то, но не могли вспомнить – кого и с мучительным ожиданием всматривались в каждое лицо.

Официант все не появлялся, может, и в самом деле нюхал кокаин в затененном уголке. А Даше не терпелось сделать заказ, чтобы «Пепси-кола» развеселила ее опечаленного спутника.

Прикинув, сколько осталось в кошельке, она мужественно решила заказать ему и мороженое, для которого, по ее расчетам, Данил уже достаточно согрелся.

– Даша, я чей? – вдруг спросил он.

Она опешила:

– Что значит – чей?

– Все чьи-то. Сережка твой...

– И ты мой.

Горестно вздохнув, Данил покачал головой, и в голосе его зазвучала безнадежность:

– Я не твой. Ты никогда меня не целуешь.

– Ох ты, бог ты мой! Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

И только-то?

– Сережку ты всегда целуешь, – ревниво напомнил он.

«Так он же маленький, – едва не вырвалось у Даши. – Ах ты...»

Она внезапно почувствовала полное безразличие ко всем, находившимся в зале, как бывало каждый раз, когда ей приходилось снимать чужой праздник. Придвинув свой стул, она обняла Данила за плечи и мягко поцеловала его согревшуюся щеку. Кожа оказалась чуть шершавой, и Даша подумала, что надо подарить ему крем после бритья. Саму бритву и недорогую пенку она купила сразу же и с восторгом проследила, как Данил со знанием дела произвел всю сложную процедуру.

«А руки-то помнят!» – с облегчением отметила она в то утро, а перед глазами почему-то возникла картинка, как несколько лет назад Ксения, навестив сестру, села за пианино и без ошибок сыграла что-то из Чайковского. «Сто лет не подходила к инструменту, а руки помнят!» – радовалась она

тогда, с восхищением разглядывая тонкие, но сильные пальцы. Тогда еще на безымянном было обручальное кольцо.

Проведя согнутой кистью вдоль его щеки к подбородку, Даша ласково сказала:

– Мой хороший, не обижайся. Я не злая. Я просто немножко замотанная.

Он повернулся и доверчиво прижался лицом к Дашиней шее. Задевая губами ее кожу, Данил чуть слышно спросил:

– Я правда – твой?

– Теперь да, – уверенно ответила она и прижала его покрепче. – Раньше был Ксюшиным, а теперь мой.

«Только вот ей наверняка не приходилось так с тобой нянчиться!»

– Я помню Ксюшу, – не отрываясь от нее, сказал Данил.

– Конечно, ты и не должен ее забывать.

– Она мне пела про Барбоса.

– Ксения? Шутишь! Она в жизни не пела! Хотя... Может, тебе... Я такой песни не знаю.

Резко выпрямившись, он азартно воскликнул:

– А я тебя научу!

– Обязательно. Дома, ладно?

Опомнившись, Данил настороженно огляделся и покорно согласился:

– Дома.

– Хочешь, потанцуем? Здесь можно, – предложила Даша, отчаявшись дождаться официанта. До выступлений играла

музыка, и в кафе действительно танцевали.

Его взгляд снова стал беспомощным:

– А как? Я не умею.

– Это проще простого. Пойдем, я тебя научу.

Потянув его за руку, Даша отошла от столика шага на два, чтобы не смешаться с толпой, и положила руки ему на плечи.

– Обними меня, – сказала она категоричным тоном, чтобы он не посмел ослушаться.

В руках Данила чувствовалась неуверенность, но Дашу это не смущало. «Конечно, ему страшно, – рассуждала она, всем телом помогая ему попасть в такт. – Он же не чувствует себя наравне со всеми, а я заставляю его вести себя так же... Ну, ничего. Он все вспомнит».

Его ладони вдруг задвигались, и, подняв голову, Даша увидела в широко раскрывшихся серых глазах замешательство. «Ох ты! – испугалась она. – Да ведь он...»

Она попыталась отстраниться, но Данил держал ее. Его руки уже прожигали ей блузку, а сердце колотилось так, что сбивало с ритма ее собственное.

– Данил... – начала она строгим голосом, но тут ее охватило что-то настолько горячее и сильное, будто это было отдельное от Данила живое существо, не знающее неуверенности и страха.

Это нисколько не походило на обычный поцелуй, которых в Дашиной жизни было немало. Но ни один не увлекал ее в жаркую многоцветную спираль, закручивавшуюся с такой

скоростью, что Даша не успевала даже перевести дыхание. Она застонала от страха окончательно раствориться в этом новом для нее и пугающем, а Данил все не выпускал ее. Все его тело, едва ощутимо, незаметно для остальных, но двигалось уже в другом танце, который Даша хорошо знала, а он только вспоминал. И ей вдруг показалось, что каким-то чудом Данил уже проник в нее, иначе откуда взялась бы эта болезненная судорога, от которой сводило бедра?

Внезапно он отпрянул и беспомощным движением прижал ко рту ладонь. На его лице выразилось такое потрясение, что Даша схватилась за его сжавшиеся плечи:

– Что ты? Все хорошо.

– Что это... было? – едва слышно спросил он.

– Ничего страшного. Это...

«Как же ему объяснить?!» – Она в отчаянии подыскивала слова, но все они оказывались неверны. Наконец она нашлась:

– Это и значит, что ты – мой. А я – твоя.

И сама удивилась, потому что совсем даже так не считала.

– Хочешь еще? – нетерпеливо облизнувшись, спросила она, прислушиваясь к собственному желанию.

Он молча смотрел на нее несчастными глазами, и тогда Даша сама обхватила его за шею и поцеловала. Но оказалось, что когда целует он – это совсем другое. Это ни на что не похоже. Она взмолилась, хватая его губы:

– Ну, давай еще... Так же...

И, не успев набрать воздуха, опять улетела за край земли, ни на секунду не пожалев об этой самой земле, с которой расставалась. Она даже не вспомнила, что есть ее дом, а в доме ждет сын. Ничто сейчас не могло ее удержать. Одна рука Данила грела ей затылок, а другой он пускал через поясницу молнии.

«Так он и вправду... – мелькнул у нее слабый ответ мысли, – инопланетянин...»

– Эй, друзья, вы не слишком увлеклись?

Оторвавшись от Дашиных губ, Данил обвел слепым взглядом чужие лица. Он еще не научился их видеть. Он уже возвращался, но еще не вернулся.

– Здесь вам не стриптиз-бар, – недовольно пробурчал уже знакомый Данилу поэт и сердито указал ему на низ живота.

Данил тоже оглядел себя и не увидел ничего особенного.

– Чего он хочет? – спросил он у Даши, которая смотрела туда же и как-то загадочно улыбалась.

– Да-а, – протянула она в ответ, и в ее голосе послышалось уважение.

– Да что?! – Данил опять беспомощно осмотрелся.

Очнувшись, она торопливо потащила его к вешалке:

– Ничего, мой хороший. Всё просто отлично! Пойдем скорее домой...

– А «Пепси»?

Даша замерла, от изумления расширив глаза, потом неудержимо расхохоталась:

– Ты хочешь «Пепси»?

– Ты же обещала, – обиделся Данил.

Она с размаху прижала к груди руку и поклялась:

– Я куплю тебе по дороге целую бутылку.

Всучив ему дубленку, она юркнула в свою меховую куртку и рывком натянула вязаную шапочку. Пока Данил не спеша застегивался, она сама нахлобучила ему ушанку и опять, как маленькому, завязала под подбородком. Он вдруг прерывисто вздохнул:

– Я тебя огорчил?

– Ты?! Ну что ты! Совсем наоборот.

У него обиженно дрогнул все еще влажный рот:

– Тогда, значит, я тебе не нравлюсь.

– Вот еще новости! Да что с тобой? Ты мне очень даже нравишься! Стала бы я...

Он не дослушал:

– А почему же ты хочешь, чтобы я стал другим?

– Пойдем же... Да каким другим? Дай мне руку... Я ничего не понимаю!

– Другим, – упрямо повторил Данил, следом за ней выходя на улицу.

Насторожившись, Даша решила продвигаться в глубь его рассуждений на ощупь.

– Почему ты так решил?

Некоторое время он шагал молча, прикрывая нос коричневой варежкой. Снег сухо поскрипывал под их ногами, и

разнобой шагов сливался в нескладную песенку сердитого мальчишки, похожую на «Упрямца» Свиридова. Наконец Данил убрал от лица руку и угрюмо проговорил:

– Я не такой, как те люди. Они так смотрели на меня...

Она успела удержать смешок и покровительственно хлопала его по спине:

– Они завидовали, мой хороший. Не задумывайся над этим.

– Я правда твой?

– Сегодня ты станешь моим целиком, – загадочно пообещала Даша и, как взрослого, взяла его под руку.

Через несколько шагов Данил серьезно спросил:

– А что для этого нужно?

– Чтобы ты стал моим? Ну... Надо, чтобы ты... Чтобы ты снова поцеловал меня.

Он с облегчением сообщил:

– Я уже целовал тебя.

– У тебя это здорово получается, – усилив голосом свое восхищение, сказала Даша и потеснее прижалась к его руке.

– Я все правильно делал?

– О да! Так и продолжай... А дальше... Всё само произойдет. Ты сам все знаешь, только немножко забыл.

– А «Пепси» ты мне купишь? – встревожился Данил и притормозил у павильона.

«Ах ты, продажная душа!» – подумала она с нежностью и полезла за деньгами.

Зажав бутылку под мышкой, он довольно улыбнулся:

– Сережка обрадуется.

– Надеюсь, он уже спит, – пробормотала Даша, подтаскивая Данила по ледяным дорожкам.

Быстро взглянув на нее на ходу, он озадаченно заморгал:

– Ты на него сердишься?

– Нет, конечно. За что?

– А почему ты хочешь, чтобы он уже спал?

– Чтобы не помешал тебе стать моим. Это может произойти, только когда никто не видит.

На этот раз Данил не удивился.

– Это как путешествие на радугу, – задумчиво подтвердил он.

– Осторожно, тут лед! Ну, прокатись... Про какую радугу ты говоришь? Я ведь тебе объясняла. Это район наш так называется.

Но Данил несогласно мотнул головой:

– Это не район! Ты ошибаешься. Радуга – это... это совсем другое.

– И ты там бывал? – насмешливо поинтересовалась Даша.

– Да, – уверенно кивнул он.

– Ну, может, и так... Хотела бы я там побывать.

Он остановился рядом с воткнутой в сугроб новогодней елкой и сразу стал похож на молодого и совсем неопытного Деда Мороза. Глядя на Дашу восторженными глазами, он, запинаясь, спросил:

– Ты... правда... хочешь?

– На радугу? Ну, еще бы! Вот где я хотела бы поснимать.

– Там нельзя снимать, – возразил Данил.

– А что так? – поддразнивая его, поинтересовалась Даша. – Убудет от нее, что ли?

Уже схваченные морозом ресницы растерянно затрепетали:

– Не убудет... Я не знаю. Не получится!

– Не стой, мы окоченеем... Жалко, что не получится. Но посмотреть-то можно?

– Я тебе покажу, – серьезно пообещал он.

– А поцелуешь? – Даша лукаво заглянула ему в лицо.

Когда Данил вставал на ноги, ей, в свою очередь, приходилось смотреть на него снизу вверх. Вновь замедлив шаг, он робко спросил:

– Сейчас?

– Испугался? Нет, на морозе нельзя. Тебя разве в детстве не учили? Губы обветрит. Тебе надо беречь губы. Они у тебя какие-то волшебные...

– Волшебные, – повторил Данил и засмеялся, польщенный. Потом вдруг огорченно заметил: – Еще одна.

– Что?

– Елка. Зачем их выбрасывают? Берут домой, а потом выбрасывают.

– Что делать, Даня... Не бывает вечных праздников. Хотя всем хотелось бы...

– Ты меня тоже выбросишь.

– Что?! – ужаснулась Даша и хлопнула его по руке. – Только посмей еще раз сказать такое!

Но Данил с неожиданной для него рассудительностью пояснил:

– Я ведь тебе не сын. Я видел передачу. Там одну девочку тоже взяли, а потом вернули.

– Куда?

Пытаясь припомнить, он широко растянул губы, и на искусанных морозом щеках проступили удлиненные скулы.

– Я забыл, – измучившись, признался Данил.

Вспоминать не было нужды, Даша и сама поняла, о чем идет речь. Но ей хотелось прощупать глубину его памяти, и она убедилась, что даже свежие впечатления могут осесть в тихом омуте, куда и соваться страшно.

«Он – взрослый, выдавший виды мужчина, – уже забыв, о чем они говорили, думала Даша, торопливо пересекая последний двор, отделявший их от дома. – Что стало бы со мной, если б на моих глазах погибли двое самых близких людей? Нет! Даже представлять не хочу... А ведь его, наверное, еще и контузило взрывом... Вдруг со временем ему станет еще хуже? Почему же я все тяну с лечением?»

– Ты молчишь, – печально заметил Данил.

– Что? – опомнилась она. – А, ты опять про детский дом?

– Да, детский дом, – ничуть не обрадовавшись, подтвердил он.

– Так туда отдают маленьких детей, а ты смотри какой! Выше меня. И сильнее в два раза... Тебя никто не посмеет тронуть. Ты можешь жить, как любой взрослый человек. Работать, дружить с кем-нибудь, путешествовать... если денег хватит. Ты и жениться можешь.

Он резко и обиженно выкрикнул:

– Нет!

И с силой втянул студеной воздух.

– Ты что делаешь? – испугалась Даша. – Так и легкие застудить недолго... Почему – нет? Ты не хочешь работать? Или жениться?

– Я не хочу... всего этого.

– Ну, не хочешь, и не надо, – пошла она на попятный, чтобы не расстраивать его.

Даша еще не отказалась от мысли о близости, и тело само торопилось к дому. «Хорошо, что он понимает лишь половину, – воровски радовалась она. – А то посмеялся бы, пожалуй, над изголодавшейся бабой...»

Давно приучив себя отгонять нежеланные мысли – сперва о Сережкином отце, позднее о собственном, которого они похоронили три года назад, потом о сестре, – Даша с тем же упорством загоняла в темный уголок совести и новые угрызения: «Это же все равно что совратить ребенка! Совсем невинного... Как ты можешь?!»

Неловко оправдываясь: «Но на самом-то деле он же не мальчик... Уж посмотрелся на своем веку!» – Она сама себе

была противна и рассерженно думала, что, наверное, именно так и рассуждают похотливые соблазнитель, которые отлично понимают, насколько же непорядочно будет обидеть именно эту женщину, но что поделаешь, если желание просто выворачивает наизнанку?!

«Если б он был здоров, в этом не нашлось бы ничего запретного... Но тогда я ни за что так не завелась бы». Даша с третьего раза наконец попала ключом в замочную скважину и открыла дорогу к грехопадению. Без опасений шагнув первым, Данил спросил уже из темноты:

– А можно, я сначала попью «Пепси»?

Вся так и сжавшись от стыда, она подалась к нему и, пытаясь защититься от самой себя, схватила его неожиданно горячую руку и прижала к своей замерзшей щеке.

– Погрей...

Он приложил и вторую, потом осторожно прижался губами к уголку ее губ. Их окружала темнота – Сережка уже и вправду лег спать. Спешить было некуда, и Даша настойчиво подавила свое нетерпение.

– Делай что хочешь... Зачем ты спрашиваешь? Конечно, пей, если хочется.

– Хочется, – шепотом откликнулся Данил, но вместо того, чтобы отправиться на кухню, припал к ней всем телом.

– Можно, я сниму с тебя свитер? – теряя слог, пробормотала она и запустила руки под вязаное полотно.

Там была еще футболка, но Даша не решилась сразу про-

браться к телу и остановилась на половине пути. Его выдох едва не обжег ей лицо, как пар от горячего источника. Данил рывком стянул свитер и бросил его на пол.

– Так?

– Пойдем в комнату...

Наступив на кота, который гневно вякнул во все горло, она пошатнулась и, наткнувшись на Данила, опять почувствовала то, что так поразило всех в кафе. «Он и не понимает», – подумала Даша с умилением и тут же потеряла эту мысль, потому что Данил обнял ее сзади и яростно задышал в шею.

– Пойдем, пойдем. – Даша на ходу расстегивала пуговицы на блузке.

Его дрожащая ладонь прижалась к ее животу, и они оба замерли, пронизанные одним ощущением. Но дверь в детскую оставалась открытой, и Даша заставила себя оторваться от его тела, чуть отпихнув Данила бедром. Но едва она отпустила ручку бесшумного замка, он снова оказался рядом и повернул ее к себе лицом. На миг Даша увидела его в свете луны, которая подглядывала сквозь неприкрытые шторы: глаза Данила стали огромными и наполнились такой отчаянной решимостью, будто он собирался шагнуть в пропасть.

– Не бойся, – шепнула Даша, сжав ладонями его щеки. – В этом нет ничего плохого. Поверь мне. Ты не станешь хуже.

Убрав его руки, она сняла блузку, потом, не сводя с Данила взгляда, расстегнула брюки и вышагнула из них, безволь-

но опавших к ее ногам.

На ней оставался только узенький треугольник, но Даша медлила, и тогда Данил сам взялся за тонкую резинку.

– Да? – спросил он осевшим голосом.

Она кивнула, внезапно поняв, что растеряла все слова. Данил медленно потянул вниз и сам осел на пол. Его губы оказались на уровне ее пупка, и он прижался к нему, словно надеялся вытянуть пуповину, которая позволит ему остаться ребенком.

Подняв голову, Данил тихо спросил:

– Я тоже должен снять одежду?

– Тебе не хочется?

– Не знаю... Так надо?

– Если ты хочешь стать моим...

Он уточнил:

– Твоим – кем?

– Просто моим. Всем.

– А это получится?

– Я тебе обещаю.

«Остановись! – вскрикнул кто-то внутри ее. – Ведь он тебе не нужен. Нельзя его обманывать, он – не мужчина. Он не заслужил».

Наклонившись, Даша сняла с него футболку и, встав на колени, прижалась к его груди, в глубине которой словно бурлили подземные воды. Глядя в его потерянные глаза, она взялась за ремень, но тут Данил смутился и забормotal:

– Можно, я сам? Я сейчас.

– Я не сделаю тебе ничего плохого.

– Да. Я знаю, – подтвердил он голосом, полным отчаяния, и с силой рванул ремень.

– Не торопись так, ты уже весь мокрый. Я никуда не убегу.

Наконец он выбрался из штанов и смущенно оглядел себя. Скользя ладонями вдоль его тела, Даша с восторгом сказала:

– Тебе нечего стесняться, поверь мне. Любой мужчина может тебе только позавидовать.

Он не стал с этим спорить, но и не обрадовался. Заставив себя не обращать на это внимания, Даша мягко повернула Данила к дивану:

– Давай ляжем... Так, для начала, будет удобнее. Иди ко мне... Вот так. Ох, какой ты горячий!

– Подожди, – вдруг сказал Данил твердым, совсем мужским голосом. – Мы договаривались... Сначала мы полетим на радугу.

И ладонью закрыл ей глаза.

Глава 4

От рыжего солнца разбегались огненные круги. Они вспыхивали повсюду, в какую сторону Даша не обернулась бы. Ей чудилось, что стоит отвернуться, как круги исчезают, будто они перемещались в пространстве со скоростью мысли.

– Воображения, – раздался позади знакомый голос, который сейчас звучал без детских интонаций и от того казался чужим.

Встревоженно поискав взглядом, она громко спросила:

– Где ты, Даня? Я тебя не вижу. Перестань играть в прятки!

– Я не прячусь, – заверил он. – Меня здесь просто нет. И тебя нет. И радуги на самом деле нет. Только наши представления о ней. Ты же сама говорила, помнишь?

Поозиравшись, Даша жалобно призналась:

– Я ничего не понимаю. Где мы?

– Это вторая полоса радуги – оранжевая.

– А почему вторая? Куда делась первая?

Он ответил не сразу:

– Нечего тебе там делать. Это очень страшная полоса. Красная. Я видел ее.

– Я тоже хочу! – потребовала Даша и снова незаметно огляделась, все еще надеясь заметить Данила за каким-нибудь из огненных кругов. Ей не очень верилось в то, что он

говорил.

– Выброси из головы! – незнакомым тоном отрезал он.

– Ты командуешь? – изумилась она и отшатнулась, едва не обжегшись о выросший из-под земли столб пламени.

– А разве не этим занимаются все твои собратья?

– Какие еще собратья? Ты о ком?

– О людях.

– А ты разве не человек?

Молчание заполнилось жаром хриплого дыхания. Даша никак не могла понять – чье оно? То ли Данила, то ли самой радуги.

– Я не такой человек, – наконец ответил он.

Даша поддела его:

– Тогда почему же ты берешься командовать?

Но тут ему уже не пришлось искать ответа:

– Чтобы показать тебе. Дать почувствовать.

– Что именно? – Даша насторожилась.

Ей показалось, что дыхание (она так и не догадалась – чье) участилось.

– Да ты ведь уже чувствуешь это... Прислушайся к себе. Всё – в тебе.

Она улыбнулась: «Вот дурачок! Придумал новую игру...» Но в тот же миг огонь перед ней сгустился и завертелся колесом. Оно было одновременно огромным, как зев самой Вселенной, готовой поглотить без остатка, и таким маленьким, что проскользнуть, не обжегшись, было невозможно.

Даша вдруг поняла, что обязана прыгнуть в это кольцо. Это еще не свершенное действие было неотвратимо, и Даша точно знала, что ей не отвертеться, но всё топталась на месте, не решаясь оттолкнуться от высокой тумбы. Для этого нужно было всего лишь напрячься всем сильным, мускулистым телом, раскрашенным рыжими и черными полосами, а у нее от ужаса слабели лапы. Огненный круг властно манил ее, обещая мгновенную гибель, но она подозревала, что смерть окажется вовсе не такой легкой. И поблизости даже не было прохладной воды, которую она так любила, живя на воле.

Во всем истомившемся теле ожили воспоминания о текущих струях, что жмутся к шкуре, лаская и взбадривая. Она готова была проводить у реки долгие часы и плавать, загребая широкими лапами, и жадно лакать, погружая в воду только кончик шершавого языка. А выйдя на сушу, встряхнуться всем телом, распахнув над собой водяной веер, и на миг залюбоваться, как радостно солнце вспыхивает в каждой капле.

Но здесь водоема не было и не могло быть, ведь голубой цвет неуместен в царстве огня. Красный круг арены, как при цепной реакции, раскололся на множество бегущих друг за другом оранжевых кружков. Вновь со страхом взглянув в самый центр одного из них, она с изумлением увидела саму себя – неуклюже корчившуюся на тумбе и рычавшую от ужаса. И сама же себе она кричала какое-то нелепое слово «Ап!»,

в котором заключалось столько холодного безразличия, что казалось, это передергивают затвором прямо у нее над ухом. Даже огонь бледнел, поглощая этот звук, и становился желтым.

– Что это? – жалобно воскликнула она.

И голос невидимого Данила тотчас пояснил:

– Оранжевая полоса переходит в желтую так незаметно. Сегодня командуешь ты, завтра – тобой. Желания повелевать и покоряться на самом деле неразрывны, как сросшиеся близнецы. Самый жестокий хозяин – вчерашний раб, это история уже не раз доказала.

Даша нетерпеливо перебила:

– Как это все происходит? Ты знаешь? Объясни же мне, почему я это вижу?

На этот раз голос прозвучал задумчиво:

– Наверное, такие ассоциации родились у тебя, когда ты решила, что я пытаюсь диктовать тебе условия. Это все заключено в тебе, понимаешь?

– Нет. Это слишком сложно для меня, господин Фрейд.

– Господин Фрейд утверждал, что разум человека подобен айсбергу: над поверхностью – лишь седьмая его часть.

– Почему именно седьмая?

Его смех разнесся веселой октавой:

– Наверное, виден лишь один из цветов радуги.

– И какой же? Я не помню порядка...

– Ну, как же! – воскликнул Данил с упреком. – Разве ты

не учила в детстве: «Каждый охотник желает знать...»

Даша опередила его:

– Фиолетовый!

– Это уровень философских идей, – важно пояснил он.

Без сожаления рассмеявшись, она махнула рукой, продолжая глазами отыскивать его в пустоте:

– О, до него мне уж точно не добраться! От философии меня тянет в сон. В институте я еле-еле на троечку натянула... Данил, я не могу так разговаривать! Я должна тебя видеть.

– А кто тебе мешает? Представь меня.

Попытавшись сосредоточиться, Даша стянула всю свою фантазию в одну точку, и получилась остренькая блестящая пирамидка. Не слишком большая, но с ярким носиком грифеля на конце. Словно волшебный карандаш, сказку о котором Даша читала в детстве (вот только название начисто забылось!), пирамидка живо заплясала внутри одного из охваченных пламенем кругов, и между обжигающими языками стали прорисовываться черты Данила.

– Почему ты рыжий? – взвизгнула Даша от смеха.

– Здесь все рыжие, – невозмутимо ответил он. – Ты, думаешь, какая?

– Тоже рыжая? – не поверила она.

– Вылитый апельсин! Нет, скорее маленькая новогодняя мандаринка...

– Ничего себе, нашел маленькую! Ненамного я и меньше

тебя. И совсем даже не круглая.

Он вдруг тихо спросил:

– Тебе тоже хочется казаться больше того, что ты есть на самом деле? Все вы такие... Взрослые. Они думают, будто дети не знают, что такое настоящий страх! И как ненавидишь того, кто заставляет пройти через этот страх... Ты тоже во-дила своего сына в цирк! Давай же прыгай сквозь огонь, как делали тигры, чтобы оправдать ваши затраты на билет! Ты же хотела меня? Так иди ко мне.

Отсветы пламени жутковато подергивались на его лице, искажая злобными гримасами. Даша заворуженно слушала и глядела на это лицо и вдруг поняла: «Да ведь он только играет во взрослого! И это не очень-то хорошо у него получается...»

– Данил, взрослый человек не значит – жестокий, – мягко произнесла она, сделав шаг к пламени.

– Да?! – с обидой выкрикнул он. – А кого он жалеет, твой взрослый человек? Он все время кого-то убивает! Сжигает, взрывает... Нет ни одного существа в мире, которое не пострадало бы от него. Ну, приведи мне пример!

– Я жалею тебя, – сказала Даша и протянула руку. – Иди ко мне, мой хороший... Только не через огонь...

...Всё тело у него покрылось испариной, будто внутри Данила полыхал огненный шар. Или он сам был этим сгустком пламени, а телесная оболочка только создавалась Дashiным

воображением, потому что так ей было привычнее. Вся постель под ними раскалилась, и Даше то и дело казалось, что сейчас они высекут из простыни целый сноп искр. Она не смогла уловить, в какой именно момент вернулась в эту самую постель и покидала ли ее вообще... Но если – нет, откуда же взялся этот бьющийся в висках вопль: «Нет, нет! Оставайся таким...»?

А потом он вдруг спросил:

– Ты споешь мне про Барбоса?

Дашу так обожгло, будто она все же шагнула в этот огненный круг: «Так он просто перепутал меня с Ксенией?! Вот почему он был таким... Это ее он любил сейчас...»

– Не спою! – От обиды ее голос прозвучал резко. – Не знаю я этой песни! Я уже говорила.

Но Данил ничуть не огорчился:

– Тогда я тебе спою.

И затянул хрипло и неверно:

– Век не стрижен пес Барбос...

«А если и так, – затихнув и уткнувшись в его влажное плечо, успокоенно думала Даша. – Что у меня – большой выбор? Мальчик он или мужчина – какая разница? И со мной он в этот момент или с Ксенией? Удовольствие-то он мне доставляет. Ни с кем еще мне не было так хорошо... Может, как раз оттого, что не поймешь – мальчик он или мужчина?»

– А мне понравилось так делать, – оборвав песню, заявил он. – Немножко страшно было, но все равно... Я еще никогда

так не делал.

«Да уж! – усмехнулась она про себя. – И не сосчитать, сколько раз ты это делал».

– Теперь мы будем это делать каждую ночь, – пообещала Даша и блаженно улыбнулась в темноту.

– А почему только ночью?

– А ты и днем хочешь? Да, ты, наверное, смог бы... Но днем Сережка увидит.

Его голос тут же сошел на шепот:

– Это секрет?

– О да! Это страшная тайна. Наша с тобой. Смотри, не проболтайся ему. И вообще никому.

Данил внезапно опечалился:

– А кому еще? У меня больше нет друзей.

– Кроме Сережки?

– Кроме тебя. Сережка не дружит со мной. Он сказал, что я – странный.

Чтобы придать ему хоть немного уверенности в себе, Даша безапелляционно заявила:

– Все великие люди казались странными.

Быстро повернув голову и едва не свалив подушку, Данил с восторгом спросил:

– А я – великий человек?

– Не знаю, – смешалась она. – Вполне может быть... Обычно это понимают, когда человек уже уходит.

– Куда уходит?

– Туда... Куда ушла Ксения. Помнишь?

– Я помню Ксению, – подтвердил он.

Не справившись с ревнивым любопытством, Даша спросила:

– Ты ее очень любил?

И прижалась к нему поплотнее, надеясь вытеснить последние сохранившиеся в его теле воспоминания о сестре. Он уже не был таким горячим, даже испарина успела высохнуть, а Даше хотелось, чтоб он таким и оставался.

– Мы все время ссорились, – неожиданно ответил он.

– С Ксеньей? Господи, почему?

– Я не помню, – без сожаления сказал Данил. – Наверное, она тоже хотела, чтобы я стал другим.

Даша торопливо заверила:

– Я этого не хочу.

– Не хочешь? Ты же хотела!

– А теперь не хочу. Потому что... Ты мне очень нравишься таким. У меня таких, как ты, еще не было.

Он повернулся на бок и долго, печально смотрел ей в глаза. Не выдержав этого, Даша со вкусом чмокнула его в губы, но Данил чуть отодвинулся и угрюмо спросил:

– А куда ты дела тех, которые у тебя были?

– Куда дела? Ну... Как тебе сказать... Они приходили и уходили. Не бойся, я никого не выбросила в сугроб, как старую елку. Все они живы и здоровы.

– Ты... – он вдруг запнулся, и Даша на расстоянии почув-

ствовала, как погорячала его щека. – Ты делала с ними это? Ну, как мы сейчас...

«Детям врать нехорошо! – приструнил ее внутренний голос. – Давай исповедуйся».

Прибегнув к тактике компромисса, которая часто выручала ее в разговорах с сыном, Даша сказала:

– Ты делаешь это лучше всех!

– Да?! – Он так обрадовался, что Даше стало стыдно, хотя она и не поняла – за что?

– Да, мой хороший.

– Почему ты называешь меня «мой хороший»?

Она сжала его мягкие щеки, и рот, как у младенца, раскрылся «клювиком».

– Потому что ты – мой. И ты – хороший. И очень мне нравишься. Ты, наверное, спать хочешь? Ложись поудобнее, я немножко поглажу тебя, ты успокоишься и уснешь. Я спою тебе свою колыбельную. Может, ты и ее запомнишь...

Послушно поерзав, Данил сунул под подушку согнутую руку, закрыл глаза и улыбнулся.

«Мой хороший, – повторила Даша уже про себя и с благоговением провела рукой по его выцветшим волосам. – Вот это да... Купила себе порося и влюбилась в него...»

Утром Даша металась по квартире, на ходу застегивая джинсы и отдавая распоряжения:

– Из дома не выходите, там тридцать один градус. Обед в

холодильнике, Сережка знает. Не забудьте выключить плиту. Ну, может, я заскочу... У меня сегодня несколько съемок. Даня, ты долго будешь копать? Давай за стол, я уже опаздываю. Мы проспали все мыслимые сроки... Ах ты, мой хороший. – Настигнутая ночным видением, она остановилась на миг и прижала к животу голову Данила, который, сидя на полу, старательно натягивал носок.

Засветившийся благодарностью взгляд метнулся вверх, но Даша уже помчалась дальше.

– Мальчики, за стол! – донесся из кухни ее свирепый окрик, и Данил покорно поднялся.

Выбравшийся из спальни Сережка, подтянув светлые трусики, неодобрительно оглядел его, но ничего не сказал. Он вообще редко обращался к Данилу первым.

– Доброе утро, – несмело проговорил старший ему в спину.

Что-то буркнув в ответ, Сережка прошлепал в ванную и оттуда заорал:

– Мам, я потом поем! Там мультики начинаются.

«Он не хочет даже есть со мной вместе...» – Данил с трудом справился с искажившимся обидой ртом. Прощмыгнув мимо ванной, он бросился к Даше и умоляюще зашептал:

– А можно, я с тобой? Я не буду мешать! Я сумку понесу. Что мне тут делать без тебя? Сережка со мной даже не разговаривает.

– Вот два обалдуя, – вздохнула Даша и, поморщившись,

отхлебнула горячий кофе. – Ну ладно, пошли. Только замерзнешь ведь.

– Я не замерзну, вот увидишь! – обрадованно зачастил он. – Я ведь вчера не замерз, а ты тоже говорила: тридцать один градус.

Она сурово приказала:

– Съешь вот этот бутерброд и выпей чай, пока не остыл. Сейчас найду тебе теплую рубашку под свитер. Только, может, рукава будут коротковаты... А ты их не застегивай! Да не глотай же ты такими кусками, подавишься! Я не уйду без тебя...

Забравшись на табурет, она достала с антресолей большой чемодан с оставшимися от отца вещами. Даша точно помнила, что здесь хранится: спортивный костюм, который она приберегала для Сережки, протершийся под мышками шерстяной свитерок (отец всегда надевал его, когда они отправлялись в лыжный поход), выцветший шарф... Он носил свои вещи годами и покупал что-то новое только в крайних случаях, поэтому Даша так хорошо знала каждую. Но сейчас она искала рубашку. Кто-то подарил ее отцу и не угадал с размером – она оказалась великовата, а Данилу должна была прийти в пору.

– Чьё это? – промычал он, дожевывая бутерброд.

Даша оглянулась через плечо и подала ему рубашку:

– Не глаженная, но под свитером незаметно. Главное, чтоб тепло было, а она фланелевая... Это папины вещи. Ты пом-

нишь своего папу?

Перестав жевать, он озадаченно уставился на нее.

– Папу? – повторил Данил почти по слогам.

– Ну, папу! Папу! – беспомощно повторяла она, не представляя, как объяснить значение этого простого слова. – У ребенка бывают мама и папа. Мама – это женщина, а папа... О господи, это же и младенец знает!

– Я не знаю, – печально сознался он и задумчиво повторил: – Папа...

«Да ты уже сам в дедушки годишься!» – насмешливо подумала Даша и спохватилась:

– Всё-всё, пора! Побежали.

Она опять заставила его завязать уши на шапке, ничуть не заботясь о том, как станет выглядеть этот взрослый мужчина. Еще десять лет назад Даша усвоила, что ребенку должно быть тепло, и хоть никогда не кутала сына, как многие сибиряки, но следила, чтоб он ничего себе не отморозил. Сама Даша всю зиму проходила в вязаной шапочке, но твердо знала, что не заболеет только потому, что не могла себе этого позволить. Появление в их доме Данила ничего не изменило. Полагаться ей по-прежнему не на кого.

Первая съемка была назначена в детском саду. Когда Даша узнала, что снимать придется Праздник Нептуна, то не на шутку удивилась:

– А почему в начале февраля?

– А почему бы и нет? – резонно возразили ей. – В бассейне же тепло. А летом ребяташек разбирают, не с кем будет и праздновать...

«Счастливые, бассейн у них», – позавидовала Даша. Своего сына она водила в обычный детский сад, настолько маленький и старый, что там даже спальни не были предусмотрены. На время сончасы дети вытаскивали из кладовой раскладушки. Но Даша была довольна и этим. Главное, что садик находился почти рядом с домом и не приходилось возить ребенка к черту на кулички, как делал в свое время ее отец.

Удержав Данила на крыльце детского сада, она ласково попросила:

– Мой хороший, ты там, пожалуйста, ничего не трогай. Ну, игрушки, мячики...

– Думаешь, я совсем дурак? – обиделся он.

– Нет, конечно! Я...

– Я же знаю, что это чужое.

Уже раскрыв рот, чтобы расхохотаться, Даша ткнулась лицом в задубевшую на морозе овчину и простонала:

– Вот-вот... Слушай, какой ты у меня!

Она прижалась губами к его щеке, которая оказалась совсем ледяной. Очнувшись, Даша торопливо затолкала Данила в теплый коридор. Лицо у него было красное, но несчастным и замерзшим он не выглядел. Задрвав подбородок, Данил распутал завязки и стянул шапку. Затем аккуратно сложил в нее рукавицы и вопросительно взглянул на Дашу: довольна

ли? Она одобрительно кивнула и сказала, что здесь придется еще и разуться.

– У тебя носки не дырявые? – запоздало забеспокоилась она, однако Данил и сам этого не помнил.

Когда он снял сапоги, они с облегчением убедились, что все в порядке. «Надо купить ему еще хоть пару, а то я эти скоро точно до дыр стираю», – озабоченно подумала Даша и потянула его за руку:

– Пойдем к заведующей.

Ладонь у него оказалась как замороженная – холодной и твердой. На всякий случай Даша ее потискала:

– Всё нормально? Все пальцы чувствуешь?

– Все. – Он громко засмеялся. – Ни один не убежал.

«Господи, я люблю его, – обреченно подумала Даша. – Вот наваждение... Смотрю на него, и сердце щемит... Улыбка у него такая хорошая. Только несчастная какая-то...»

И вдруг испуганно приказала себе: «Не лечи его! Не лечи. Незачем знать, каким он был. Мне он таким нужен... А прокормить я и двоих сумею».

Уже толкнув дверь в кабинет заведующей, Даша поняла, что сейчас впервые увидит Данила в окружении других женщин. И те увидят его. Это беспокоило Дашу, пожалуй, даже больше, потому что наивность Данила не знала границ, и любая могла этим воспользоваться. А как ни крути, выглядел он так, что не обратить на него внимания было невозможно.

Однако уже следующая минута принесла успокоение. На

заведующую, которая явно была моложе его, Данил смотрел так, как обычно смотрят на чужих людей не слишком общительные дети – отчужденно и настороженно. Пока они были в ее кабинете, он и рта не раскрыл, только вежливо поздоровался.

«Хороший мальчик», – расслабившись, подумала Даша и незаметно погладила его согревшуюся руку. Он попытался ухватить ее пальцы, но это выглядело бы чересчур откровенно.

– Завтра я отправлю запись, – пообещала Даша и пристально взглянула в маленькие голубые глаза.

Заведующая понятливо заверила:

– И мы сразу же рассчитаемся.

Оставив одежду у нее, Даша повела Данила к бассейну. Она безошибочно находила дорогу в любом незнакомом месте, и отец еще в детстве шутливо называл ее Чингачгучкой.

«Напророчил, – подумала Даша, не зная, радоваться этому или огорчаться. – Вот я и стала женой индейского вождя... Или еще не стала? Подарка-то он мне так и не сделал».

Когда они проходили через игровой зал, Данил, помня данное слово, только покосился на стеллажи с игрушками. Сжалившись, Даша тихонько спросила:

– Хочешь, я тебе что-нибудь куплю?

– Не надо, – гордо отказался он.

– Почему? Ты не любишь подарки?

– Это дорого.

– А-а... Так ты знаешь про деньги?

С подозрением глянув на нее, Данил с сомнением выпятил губы, потом все же признался:

– Сережка говорил, что он и один дорого обходится. А тут еще и я...

– Я оторву ему голову! – мрачно пообещала Даша.

– Нет, не надо! И покупать мне ничего не надо, – разволновался он.

Даша с умилением подумала: «Ну конечно, а питаться ты маковой росинкой будешь?»

В темном переходе к бассейну их едва не сбила молоденькая нянечка в резиновых сланцах на босу ногу. В быстром почавкивании ее шагов слышалась тревога. Наткнувшись на них, она наспех оглядела Данила и разочарованно протянула:

– А я думала, это Васильич... А Васильича не видели? Внизу его нет?

– Нет, – ничуть не удивившись, ответил Данил.

Даша поспешила вмешаться:

– Мы не знаем, кто это. Мы пришли снимать ваш праздник. Он еще не начался?

Не обращая на Дашу внимания, девушка продолжила со слезами в голосе:

– Дети уже собрались, а Васильича нет. Ребятишки-то переоделись! Что же делать?

Даша посчитала нужным поинтересоваться:

– А зачем он им?

– Как зачем?! – поразилась нянька и даже всплеснула красными от воды руками. – Да он же и есть Нептун! Вообще-то он наш сторож... Опять, наверное, запил, скотина! Кто теперь Морским Царем будет?

Она вновь пристально оглядела Данила, но уже с новым выражением, и у Даши недобро похолодело сердце.

– А вы... не согласились бы?

Он непонимающе посмотрел на Дашу, но нянечка не позволила ей возразить. Судорожно вцепившись в рукав его свитера, она зататорила, захлебываясь словами:

– Ну, пожалуйста, мы вас все очень просим! Там и говорить ничего не надо! Мы ж на Васильича сильно не надеялись. Всё слуги Нептуна сделают, а вам только на троне посидеть!

Наконец и до него дошел смысл ее путаных объяснений. Но обратился он по привычке к Даше:

– Я буду Морским Царем?

– Если хочешь, – без особого восторга разрешила она.

У Данила восхищенно засветились глаза, а губы так и расплзлись во все лицо. «Ну, как можно отказать такому?» – расстроено подумала Даша.

– А во что он должен переодеться? – сердито спросила она, еще надеясь, что удастся отговориться.

– Да там ничего особенного! Из одежды только плавки, а

сверху мы водоросли искусственные повяжем.

– А плавок у него нет! – обрадовалась Даша, но Данил с недоумением возразил:

– Есть.

Она толкнула его в бок:

– Не такие надо. Купальные.

Однако нянечка мгновенно разрушила эту надежду, проявив неожиданную находчивость:

– А мы полотенца скрепим... Ну, вроде подгузника сделаем! А сверху – водоросли. Будет еще смешнее.

Даша недовольно поморщилась:

– И кто этим будет заниматься? Вы, что ли? Давайте уж я сама.

По розовым пухлым губам скользнула блудливая ухмылка, но ответила девушка, скромно потупившись:

– Пожалуйста. Пойдемте, я провожу.

Но прежде чем повернуть за ней в более светлый коридорчик, откуда доносился слабый запах хлорированной воды, Даша сильно сжала его уже совсем горячую руку:

– Ты – мой. Помнишь это?

И огорчилась тому, что позволила этим словам вырваться. Но Данила они ничуть не удивили. Серьезно кивнув, он с тревогой спросил:

– Что-то может случиться?

– Нет, что ты! – поспешила она успокоить. – Тебе даже не придется лезть в воду.

Он разочарованно протянул:

– Нет? А я думал...

– Вообще-то я не знаю, что у них за сценарий. Может, и придется. Там мелко.

Это она добавила больше для себя, чтобы дрожью разбегающееся по телу беспокойство наконец улеглось в дальний уголок и затихло бы там до следующего повода.

Наконец они оказались в большой комнате, светлой и пестрой от рисунков на стенах. Длинный ряд кабинок для переодевания делил ее надвое. Здесь было так тепло и солнечно, что в зеленоватой голубизне за окном обманчиво прочитывалось обещание скорой весны, а прозрачные облака походили на последние тающие льдинки. Ей вдруг представился Данил, каким он был вечером – на морозе, рядом с брошенной елкой, и тревога опять недобро заворочалась у сердца.

«Деды Морозы не тают весной, – напомнила она себе. – Только Снегурочки. Но уж на Снегурочку-то он никак не похож...»

Не успел Данил и рубашку расстегнуть, как в комнату вбежали несколько одинаково длинноволосых девушек в купальниках, поверх которых уныло свешивались нити зеленой пакли. Одна из них, самая улыбчивая, с большим родимым пятном на плече (Даша вся так и напряглась, заметив, как Данил потянулся его рассмотреть), звонко воскликнула:

– Ну, слава богу! А мы уж боялись, что все пропало.

Столько трудов, и все насмарку, представляете? Вас как зовут?

Он застенчиво представился и вопросительно поглядел на Дашу. Ей снова пришлось вмешаться:

– Объясните толком, что он должен делать.

Но оказалось, что делать и впрямь ничего не придется. Только важно пройтись вдоль бортика, пощекотать пару ребятишек и усесться на трон.

– Ну и прекрасно, – с облегчением сказала Даша. – Хоть не испортим вам праздник. Во что ему переодеться?

Свалив в кучу бороду, полотенца, плащ и некое подобие юбки из водорослей, девушки водрузили сверху зеленую корону и, похихикав, выскочили в коридор. Тщательно заперев дверь («Еще подсмострят, паршивки!»), Даша, не поворачиваясь, сказала:

– Раздевайся, мой хороший. Сейчас мы будем делать из тебя Морского Царя.

– Должны быть кони с медными копытами и золотой гривой, – пробормотал Данил, что-то стаскивая с себя.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Даша.

– Ну... Знаю.

– Ладно. Придется тебе обойтись без коней. Доберешься до трона пешим ходом.

Громко фыркнув, он довольно сообщил:

– Я готов.

Повернувшись, Даша так и ахнула:

– Я думала, ты уже оделся!

Данил обескураженно заморгал:

– Ты же сказала: мы будем...

– Ладно, ладно, ты все правильно сделал, – торопливо заговорила она, отводя взгляд. – Сейчас мы соорудим тебе подгузник. Еще знать бы, как это делается... Сережка у меня на горшок просился уже в полмесяца!

Достав из швейной шкатулки несколько булавок, Даша скрепила приготовленные махровые полотенца, на которых были нарисованы зеленые утята с удивленно раскрытыми клювиками. Ей сразу вспомнилось, как губы Данила вчера ненадолго стали такими же, и она жадно поцеловала их, но тут же отстранилась. Стараясь не прикасаться к голому теплomu животу, она обернула его в подобие набедренной повязки и скрепила полотенца на спине.

– Ты – «да», и я – «да», – неожиданно сказал он и радостно засмеялся.

– Что – да? – Она с любопытством заглянула в его светящиеся глаза.

Теперь, когда он был хоть немного одет, Даша чувствовала себя уверенней.

Он охотно пояснил:

– «Даша» начинается на «да», и «Данил» тоже. Да?

– Да.

– Да-да, – продолжал радоваться он.

– Знаешь, мне хотелось бы всегда говорить тебе только

«да».

– Говори!

– Вряд ли такое возможно, – вздохнула Даша, а про себя закончила: «Если детям ни в чем не отказывать, они через полчаса сломают себе шею».

Взяв длинную спутанную бороду, она попросила:

– Присядь, пожалуйста, я должна завязать это у тебя на макушке. Наденем корону, и ты себя не узнаешь!

Данил присел, потом повозился, встал на колени и внезапно, совсем мужским движением, обхватил Дашу и прижался щекой к ее бедру. Задохнувшись от нежности, она погладила его седую голову, а он пробормотал:

– Вот как хорошо...

– Давай всегда будем вместе? – сказала она, чувствуя, что в носу пощипывает все сильнее. – Ты не уйдешь от меня, если... если вспомнишь... что-нибудь?

– Куда я могу уйти? – Данил задрал голову и преданно смотрел на нее снизу.

– Ну, я не знаю...

«О боже, а если он женат?! – вдруг обожгло ее опасение. – Ксюшку это не остановило бы... у нее уже были романы с женатыми... Нет, не буду я его лечить! Ни за что!»

– Пора идти, Даня, – сказала она через силу. – Там дети ждут. Тебя ждут. Давай наденем плащ... Вот твой посох. Ты знаешь, как должен вести себя Морской Царь?

– Да, – он уверенно качнул головой.

– Ну и прекрасно. Ладно, оставляю тебя этим Русалкам, нужно настроить камеру. Смотри, веди себя хорошо!

Погрозив ему, Даша чмокнула шершавую щеку и опять напомнила себе, что необходимо купить крем. Распахнув дверь, она жестом пригласила девушек войти, а сама бросилась к бассейну. В большом зале, закованном в кафель, оказалось темно, жарко и влажно – не лучшие условия для съемки. Выбрав для начала место напротив входа, чтобы первым делом заснять Данила, она перевела камеру в режим ночной съемки. Она никогда не работала со штативом, хотя к концу дня руки уже отваливались. Но Даша была убеждена, что даже в таком фильме должна быть динамика, и часто меняла план. Кроме того, ей хотелось, чтобы в кадр попал каждый участник праздника. Кроме нее самой.

– Начинаем, начинаем! – донесся чей-то испуганный возглас, и Даша, неожиданно для себя, разволновалась.

«А где же дети?» – удивилась она, но не успела ответить себе, потому что в этот момент грянула музыка и вдоль стен разбежались разноцветные огни.

«Здорово! – восхитилась она и быстро нажала на кнопку пуска. – Поехали!»

В другую дверь уже входили гуськом полуголые ребятишки, похожие на головастиков в своих разноцветных купальных шапочках. Они были здесь десятки раз, но предчувствие сказки все вокруг сделало другим, даже их самих, поэтому они держались неуверенно, то и дело озираясь по сторонам,

и незаметно касались друг друга, чтобы верить собственным глазам.

Даше сразу вспомнилось, как недавно ее сын был таким же пузатеньким и неловким. И какие смешные словечки он придумывал: «апшина» вместо «машина» и «атавет» вместо «туалет». Видимо, подспудно Сережка был убежден, что все слова должны начинаться с буквы «а», коли уж она первая.

На мгновение забыв, что ведет съемку, Даша затосковала о том ни с чем не сравнимом ощущении подвижного маленького тела в своих руках, которое ей хотелось бы испытать еще не раз. Но понимала, в такое время и одного ребенка вырастить так, одна – без чьей-либо помощи – настоящее безумие.

«Я хотела бы от него ребенка», – подумала она о Даниле и ужаснулась этой мысли. Но разделаться с ней окончательно Даша не успела, потому что на пороге показался Нептун собственной персоной. Потрясая посохом, он продвигался вдоль бортика бассейна какой-то лягушачьей походкой – широко расставив полусогнутые ноги – и подергивался всем телом в такт музыке.

Даша чуть не выронила камеру: «Это так, по его мнению, ходят цари?!» Но выработанное с годами хладнокровие профессионального оператора помогло ей сдержать приступ смеха. Все же настроение у Даши так поднялось, что даже обглаживающие Данила Русалки ее не разозлили.

«Вот паразитки! – только усмехнулась она. – Пользуются

моментом... Утопить бы их скопом в этом самом бассейне! Да, боюсь, Морской Царь не одобрит».

Данил между тем взревел могучим басом:

– Здравствуйте, дети!

«О, это уже по-царски!» – похвалила Даша и сняла, как мальчик в красных плавочках шарахнулся от потянувшегося к нему Нептуна. Но царь ловко ухватил его обеими руками и неожиданно подбросил в воздух. Мальчишка завизжал так пронзительно, что у Даши дрогнула камера. Зато, очутившись на полу, ребенок просто захлебнулся восторгом. Выпучив глаза, он вцепился Данилу в ногу, требуя проделать это с ним еще раз. Но Нептун уже брал на руки других детей, и они с таким же визгом взлетали над его головой, а потом начинали теревить царя за голые ноги, пытаясь обратить на себя внимание.

«Эх, милые, – жалея их, подумала Даша, – всех на свете не приласкаешь...»

Словно опровергая саму эту беспощадную мысль, Данил нагнулся и захватил длинными руками сразу с десятков ребят-тишек. С трудом выпрямившись, он поднял их, повизгивающих от восторга и страха, и закружился на месте. Маленькие босые ноги беспомощно болтались в воздухе, то разлетаясь, то сталкиваясь.

«Я сейчас разревусь, – в панике обнаружила Даша. – Черт побери, неужели, чтобы сделать из мужчины такое чудо, обязательно нужно лишить его разума?!»

Минут через пять Русалкам с горем пополам удалось-таки оторвать Данила от детей и усадить на трон. Дальше все шло по сценарию, и Даша снимала спокойно до тех пор, пока одна из устроительниц праздника не крикнула во весь голос:

– А кто первым прыгнет в воду?

И тут произошло непредусмотренное: Нептун вдруг сорвался с трона и, отшвырнув свой посох, прямо в короне и плаще, плюхнулся в бассейн. Дашу обдало брызгами, и она едва успела защитить рукой объектив.

«Вот паршивец, придется монтировать, – вздохнула она, чувствуя, что совсем не рассердилась. – Как бы с него подгрузник не свалился, а то все воспитательницы попрыгают следом...»

Но булавки стоически выдержали испытание водой, и у Даши слегка отлегло от сердца. Дети уже целыми гроздьями валились в воду и висли на Даниле. А он свирепо рычал и шлепал по воде ладонями, но теперь малыши уже ничуть не боялись. Прислужницы Нептуна выбивались из сил, пытались навести порядок и организовать задуманные соревнования. Дашин слух резанула фраза: «Вы же взрослый человек!»

«Идиотки! – разозлилась она и выключила камеру. – Они же отравят детям всю радость!»

Подбежав к бортику, она спрятала камеру за спину и крикнула, пытаясь заглушить детские вопли:

– Ваше величество, позвольте, я сниму вас!

Когда Данил поднял глаза, она увидела в них столько сча-

стья, что стало ясно: никаких упреков в свой адрес он и не слышал. Воспользовавшись тем, что он пришел в себя, Даша настойчиво повторила:

– Пожалуйста, ваше величество, пройдемте со мной! Я хотела бы снять вас на троне.

Громко шмыгнув, Данил отер ладонью мокрое, покрасневшее лицо и нехотя полез наверх.

– Сядь, пожалуйста, – шепотом взмолилась Даша, когда он оказался с ней рядом. – Им нужно провести соревнования.

– А я не могу участвовать? – сразу погрузнев, спросил Данил.

– Ты слишком большой.

– Я – гадкий утенок, – вдруг сказал он. – Есть такая сказка.

– Я знаю. Но к тебе она не имеет никакого отношения! Ты очень симпатичный.

Не слыша ее, он неразборчиво проговорил:

– Он тоже был слишком большим, и никто не хотел с ним играть.

– Дети хотят с тобой играть, – возразила Даша.

– А Сережка не хочет.

– Сережка – это особая статья! Он ревнует. Ему хочется, чтобы я была только его. А я теперь и твоя тоже.

Повеселев, Данил подхватил:

– А я твой! Твой хороший, да?

– Самый хороший, – убежденно сказала Даша. – Знаешь, что я думаю? Мне крупно повезло с тобой.

Глава 5

За работу Данил получил две банки сгущенки и, несмотря на Дашины уговоры положить все в пакет, до самого дома нес их, прижав к груди.

– Это нам с Сережкой, – радостно заявил он, не успела еще заведующая отойти.

Она понятливо подхватила:

– Ваш сын, наверное?

– Сын, – поторопилась сказать Даша, прежде чем Данил выдал что-нибудь непостижимое для чужого человека.

Когда они вышли из садика, он похвастался:

– А я знаю, от чего рождаются дети.

– Да ну? – искренне изумилась Даша. – Откуда ты знаешь?

Он забавно подергал плечами, не выпуская металлических банки:

– Вспомнил. Это от того, что мы делали сегодня ночью.

Правильно?

– Ну, правильно, – подтвердила Даша, не представляя, что еще сказать.

– Значит, будет еще один сын?

– Нет, мой хороший, не будет, – с сожалением ответила Даша.

Чтобы не встречаться с его бесхитростным взглядом, она принялась сосредоточенно проверять замки на сумке с каме-

рой. Всё было в порядке, но она перепроверила их дважды.

Данил даже остановился. Мороз заставлял его морщиться, и все лицо искажалось болезненной гримасой. Даша не могла этого видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.